

ИРИНА ЛАКИНА АРАБСКИЕ СНЫ

18+

Самые изысканные романы о магии
и страсти от лучших авторов!

Пятьдесят оттенков магии

Ирина Лакина
Арабские сны

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лакина И.

Арабские сны / И. Лакина — «АСТ», 2016 — (Пятьдесят
оттенков магии)

ISBN 978-5-17-098666-8

Думала ли Лекси, отправляясь в отпуск, что у солнечного удара могут быть самые непредсказуемые последствия? Иногда наши сказочные сны превращаются в быль. Особенно в пустыне Абу-Даби, которая помнит янычаров падишаха и времена могущественной Персии. И стоит ли просыпаться, если засыпаешь в объятиях самого страстного правителя Востока?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098666-8

© Лакина И., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	33
Глава 12	36
Глава 13	39
Глава 14	42
Глава 15	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ирина Лакина

Арабские сны

© И. Лакина, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Глава 1

Быстрым движением руки я смахнула соленую слезу, которая уже успела проделать свой мокрый путь от века по впадинке возле носа к губам. Я не могла поверить своим глазам. Открытая страница Олега в Сети плыла перед глазами. Я зажмурилась, протерла глаза и еще раз посмотрела на последнее добавленное фото на его стене, надеясь, что мне поместилось. Нет, фото на месте, равно как и надпись к нему: «Моя будущая жена».

Мысли путались, перемешивая в голове реальность с воспоминаниями. Я словно попала на какой-то психологический эксперимент, где тебе на голову надевают шапку из проводов и датчиков, а затем в ускоренном режиме показывают набор случайных слайдов.

Вот его смеющиеся глаза с сеткой первых мелких морщинок, а вот мы на заднем дворе играем с Фейри, сучкой лабрадора, которую Олегу подарили коллеги на день рождения. Еще один кадр – семейный ужин в честь моего знакомства с его родителями в прошлом году. Какой-то бесконечный диафильм.

Вытерев рукавом блузки хлюпающий нос, я начала рассматривать ее, ту самую, – будущую жену. Высокая, тонкая, с ногами от ушей, практически плоская, с резкими чертами лица, слегка смахивающая на азиатку брюнетка с модной стрижкой каре. Она смотрела на меня с этой фотографии и усмехалась. Счастливая угонщица моего мужчины позировала на этом снимке, удобно расположившись на мягких сиденьях прогулочного катера.

«Как же так, любимый?!» – мой внутренний голос терзал на части душу, в сотый раз за это утро задавая риторический вопрос.

Я взяла со стола телефон и дрожащими пальцами набрала его номер. Гудок... Еще... И еще... От волнения в ушах звенело. Сердце колотилось, как у зайца. Я из последних сил цеплялась за призрачную надежду, что все это запоздалая первоапрельская шутка. Наконец на том конце провода ответили.

– Алло! – глубокий и низкий голос, как у девушек из службы секса по телефону.

Я поморщилась. Эта стерва уже без опаски отвечает по его телефону.

– Мне нужен Олег! – Я постаралась скрыть раздражение в голосе, произнеся эту фразу как-то особенно деловито, словно звоню по какому-то важному рабочему вопросу.

– Минуточку. – В трубке послышался шорох.

– Да!

Я напрасно надеялась, что смогу сдержать себя, услышав его голос. Грубый, низкий, с нотками превосходства и неизменным придыханием на последней гласной. Сколько раз я слышала его по телефону и растекалась в томительной истоме, предвкушая редкие встречи. Пальцы на руках начали дрожать, слезы подкатили к горлу, в груди щипало и горело. Истерика была на подходе.

– Значит, будущая жена? – Я практически закричала в трубку, с трудом сдерживая слезы.

– А, это ты.

Его равнодушный будничным тон резал по живому. И это после трех лет отношений и планов на совместное будущее!

– Это все, что ты хочешь мне сказать? – злость и слезы душили меня.

– Сашуля, пойми, Москва – город соблазнов. Все кончено. Ты... – Я не дала ему договорить, услышав в трубке ненавистную мужскую форму своего имени.

– Сколько раз тебе говорить, не называй меня ТАК! Я Алексис, Лекси! Можно уже было запомнить за три года!

– Да какая теперь разница. Извини, мне пора.

Короткие гудки обожгли мой слух. Он бросил трубку. И это все, что я заслужила?! Никаких тебе встреч за чашкой кофе, никаких объяснений вроде «я долго думал, к чему мы идем, и вдруг встретил Софию», никаких прощальных цветов и «давай останемся друзьями». Я со злостью замахнулась и швырнула телефон на пол. Проклятая пластмассовая коробка даже не треснула.

Этот разговор лишил меня последних сил. Я словно в одиночку выкопала целое поле картошки. А это совсем не царское дело!

Плюхнувшись в просторное кресло, я откинула голову на спинку. Меня окутала полная тишина. В одно мгновение притихли соседи, смолкли шумные разговоры улиц за окном, даже назойливая муха, жужжавшая за оконной рамой, прекратила свои многочисленные попытки вырваться наружу.

Тишина заставила время остановиться на какие-то доли секунды. Я уже не сдерживала поток спасительных слез и была благодарна этой тишине, заставившей в общем порыве заткнуться и мой внутренний голос.

Из этого странного оцепенения меня вывел телефонный звонок. Дребезжащий на полу мобильник заставил медленно встать и сделать несколько ленивых шагов. Не знаю, кому я вдруг понадобилась в минуты пронзительной личной драмы, но я сделала этому человеку серьезное одолжение, оторвав свою пятую точку от кресла.

– Алло! – мой пропитанный болью голос хрипел. Услышав свое эхо в трубке, я вздрогнула.

– Привет, что с голосом? – Лера, школьная подруга, казалось, почувствовала всю боль, накрывшую меня с головой, сквозь расстояние.

– ЧЭПэ, чрезвычайное происшествие, дорогая. Неконтролируемый поток слез и соплей. Вызываю команду спасателей. – Я не удержалась и разрыдалась в голос.

– Сашка, да что такое?! Умер кто?

Лерка называла меня так только в самых исключительных случаях, забывая, что ее Сашку еще на первом курсе института друзья переименовали в честь героини одного американского телесериала, очень популярного в то время. – Алексис Смитт. Александра, Алексис, Лекси.

– Если ты сейчас же не приедешь – умру я! – выдала я, шмыгая носом.

– Я еду! Лекарство брать?

– Бери. – Тяжелый вздох вырвался из моей груди.

– Литр? Два?

– Ой, ну что ты, сама не знаешь? – мой голос задрожал, угрожая собеседнику новым потоком рыданий.

– Все-все! Скоро буду! – затараторила Лерка, вовремя сообразив, что расспросы мне сейчас ни к чему.

Не в силах больше контролировать свои эмоции, я нажала отбой и, захлебываясь слезами, побежала в ванную.

Подставив свое дрожащее от нахлынувших переживаний тело струям горячей воды, я закрыла глаза, изо всех сил стараясь мысленно послать его туда, откуда не возвращаются.

– Отпускаю... – прошептала я, словно произнося заклинание.

Его образ, такой родной, такой нужный еще пару часов назад, словно повинувшись этому приказу, растворялся в испарениях воды. Устремляясь под потолок белесой дымкой, он каплями оседал на кафельных стенах и исчезал. Исчезал из моей памяти, моих мыслей, моего сердца.

Глава 2

Лерка, словно ураган, ворвалась в квартиру. Поставив на журнальный столик двухлитровую бутылку вермута и коробку трюфельных конфет, она устало опустилась на диван, вытянув свои шикарные ноги.

– Боже, такие пробки! У меня правая нога затекла от постоянного напряжения. Газ-тормоз, тормоз-газ. Не приложу ума, как люди ездят на механике? Я от автомата с ума схожу!

– Угу! – я в домашних тапочках и банном халате приземлилась рядом.

Болтовня подруги забавляла, и я даже позволила себе легкую улыбку уголками рта.

– Так что стряслось у тебя? Ты меня напугала. Неужели нет билетов на восьмое? Ну и что с того, нашла чего рыдать. Уедешь к своему милому в июне. Конечно, майские праздники, все куда-то едут, билетов может... – Лерка не умолкала, заполняя своей трескотней все пространство в комнате.

– Остановись, дай сказать! – я положила руку на колено подруги и выдохнула, готовясь ошарашить ее. – Я не переезжаю в Москву к Олегу. Все кончено.

«Все кончено», – услышав, как эти слова звучат из моих собственных уст, я поежилась, ощущая всем телом колючие мурашки. Столько времени я гнала от себя прочь мысли о том, что у нас может быть «все кончено», и теперь понимание того, что это случилось, гулким эхом отзывалось в моем сознании.

– Что-о-о? – Лера вскочила с дивана, округлив глаза. – Я... я ничего не понимаю! – она смотрела на меня полными удивления глазами.

– Иди сюда.

Я плавно встала с дивана и, слегка покачивая бедрами, направилась к компьютеру. Мои выющиеся золотистые с рыжинкой волосы рассыпались по плечам, а влажные от слез зеленые глаза блестели, как два цаворита после огранки.

– Иди же, смотри. – Я подошла к столу и жестом позвала подругу.

Увидев фотографию на странице моего бывшего и прочитав надпись к ней, Лерка ахнула.

– Это... это... – повернувшись ко мне, она могла только недоуменно моргать.

– Это предательство. Вот что это.

– И как он тебе объяснил появление столь противоречивой записи на своей странице?

– Москва – город соблазнов. Вот и соблазнился.

– Но как же так? Ты же не собираешься теперь отказаться от идеи переехать в столицу? Ты так долго к этому стремилась!

– Собираюсь.

– А как же заработанные на переезд деньги? А как же увольнение с работы? А как же оплаченная квартира? – Лера не унималась, плавно перемещаясь в сторону журнального столика, на котором стояла бутылка вермута.

– Применение такой куче денег я всегда найду. Это – во-первых. Увольнение с работы – черт с ним, найду другую. Это – во-вторых. А оплаченная квартира – жаль, но пережить потерю двадцати тысяч я в состоянии. Это – в-третьих.

Я вернулась к дивану, обитому персиковым жаккардом, и провалилась в объятия мягких подушек.

– Держи. – Лерка села рядом, протянув мне бокал с жидкостью бледно-розового цвета.

Пригубив из него и ощутив знакомый приятный вкус martinini, я с благодарностью посмотрела на подругу.

– Если честно, я, пока ждала тебя, много чего передумала. Мысли в голову лезли разные.

– Например? – Лера, сделав пару глотков вермута, уже успела отправить в рот пару конфет.

– Например, поехать и повыдирать этой швабре волосы.

– Та-а-а-к, хорошая идея, но чревата приводом в полицию. Еще?

– Или послать ему конверт с сибирской язвой по почте.

– Этот вариант мне больше нравится, еще?

– Еще – перекраситься в брюнетку и сделать операцию по уменьшению груди, чтобы быть в его вкусе. – Я обхватила ладонями свою грудь четвертого размера и засмеялась. Присутствие Лерки явно шло мне на пользу.

– Вот еще! Такую красоту резать! Олег – недоросль, настоящие мужики плоскодонок не любят. – Она улыбнулась, обнажив ряд белоснежных маленьких зубов и блеснув карими глазами. – Ну, и на какой мысли остановилась твоя буйная головешка? – Лера встала с дивана и грациозной походкой направилась к столу за следующей порцией алкоголя.

– Поеду на праздники в Абу-Даби. Устрою себе неделю жарких плясок. – Я загадочно улыбнулась и подмигнула подруге, чем вызвала легкое недоумение на ее лице.

– Куда? – Лера, застывшая с бокалом в руке, смотрела на меня удивленными глазами, в которых маленькие чертенята затеяли пляску. Моя идея пришлась ей по вкусу. В ее взгляде появилась озорная смесь одобрения и азарта.

– Абу-Даби – столица Объединенных Арабских Эмиратов, расположена на острове в Персидском заливе, основана в тысяча семьсот шестидесятом году.

– Стоп, стоп, стоп. Я у тебя не содержание статьи из Википедии спрашиваю. Я интересуюсь, почему именно туда? Что ты там забыла?

– Да нет никакой особой причины. Просто решила, что прогуляю все сбережения, устрою себе каникулы. Зашла на сайт туроператора и нажала на баннер «случайный выбор путешествия».

– И что, этим случайным выбором стали Эмираты?

– Именно. Сайт открыл мне тур «Солнце пустыни» – судя по описанию, программа предстоит шикарная.

– И что же за удивительная программа завлекла тебя?

– Отдых в спа-отеле, прогулки на верблюдах к бедуинам, экскурсия в пустыню на джипах, шопинг и бесконечная полоска белоснежного пляжа.

Я перечисляла подруге все прелести поездки и сама еще больше загоралась этой идеей. Предвкушение потрясающего отпуска и початая бутылка мартини поднимали мое настроение все выше.

Лерка наполнила наши бокалы и подняла руку, готовясь выдать тост.

– За нашу поездку и Эмираты!

Я выпучила на нее глаза.

– Ты хочешь со мной?!

– А почему бы и нет? Составлю тебе компанию. Буду развлекать и всячески оберегать от дурных воспоминаний и горьких слез.

Я расплылась в широкой улыбке.

– За нашу поездку!

Глава 3

Лерка плюхнулась в широкое кресло, обитое золотистого цвета гранитом, и вытянула ноги.

– Мамма мия Санта Лучия! Поверить не могу! Ненавижу проектировщиков самолетов! Вот скажи мне – как, ну как я должна уместить свои ноги метр десять в длину в двадцать сантиметров пространства между сиденьями?! А как называется эта Богом забытая дыра, куда нас привезли?

Я поставила чемодан на подпорку и присела на него, слушая, как моя подруга сеет недовольство в радиусе нескольких метров вокруг себя. Сил спорить с ней не было никаких. Самолет и правда был старый и жутко неудобный, у меня затекли ноги ничуть не меньше, чем у Лерки, хотя я ниже ее на семь сантиметров. К тому же то место, куда нас доставил микроавтобус туроператора, мало напоминало столицу Эмирата. Скорее деревня с парой отелей и недоверчивыми людьми, которые сквозь окна автобуса бросали на нас косые взгляды.

Лерка тем временем достала из сумки рекламный проспект, который нам вручили в офисе туристической компании, и начала зачитывать его вслух.

– Отель SheiKh Resort *** расположен в уютном уголке арабского мира, вдали от шума цивилизации, между Абу-Даби и Дубаи, в нескольких сотнях метров от чистейшего пляжа с горячим песком. Здесь вы в полной мере сможете окунуться в восточную экзотику, познать прелести гостеприимства местных жителей, отдохнуть в тишине и покое.

Моя подруга скорчила кислую мину и скептическим взглядом окинула холл отеля. Надо сказать, я разделяла ее настроение, понимая, откуда у него растут ноги. Во-первых, дребезжащая посуда, больше похожая на кукурузник, чем на приличный самолет. Во-вторых, оставшийся далеко позади Абу-Даби с его небоскребами и шикарными отелями. В-третьих, облезлая гостиница со странного вида персоналом в какой-то бедуинской деревне. Короче говоря, полное фиаско.

– Не бурчи, может быть, здесь великолепный пляж, как в рекламе «Баунти». А отель – на кой черт он нам сдался? Лишь бы переночевать да душ принять.

Я сама слабо верила в то, что говорила, но чувство вины заставляло меня хотя бы попытаться поднять Лерке настроение. Если бы не я со своей личной драмой, она бы здесь не оказалась.

– Да уж, не бурчи... – моя подруга нехотя встала и, нарочито виляя попой, направилась к стойке ресепшена, а я поспешила занять ее кресло, ибо других предметов мебели, на которых я могла бы расположить свою пятую точку, в холле не оказалось. Две лысые пальмы в пластиковых горшках, стойка регистрации с унылым арабом в традиционной джалабии, да это издававшее виды кресло – вот и все убранство зоны приема гостей этого «шикарного отеля вдали от цивилизации».

Очевидно, что хозяин гостиницы буквально понимал смысл фразы «вдали от цивилизации», потому что спустя пять минут Лерка летела на меня с перекошенным от злости лицом и дергающимися скулами.

– Это не отель, это чистилище какое-то! – закричала она мне на полпути. – Мало того, что этот *принц* египетский по-английски говорит чуть лучше, чем моя бабушка, так еще и доказывает мне, что на наше имя нет никакой брони! Компьютер, видите ли, у него сломался, а в журнале не записано!

Я закатила глаза и откинула голову на спинку кресла. Значит, мечтам о прохладном душе и чистой постели не суждено сбыться еще, как минимум, несколько часов. Придется звонить в службу поддержки, долго и нудно объяснять на ломаном иностранном, что с нами

приключилось, потом выяснять отношения с администрацией гостиницы. И все это при сорока градусах в тени.

Кондиционер над моей головой изо всех сил старался дуть. Он протяжно шипел, выпуская сквозь забитые пылью щели решетки струйки теплого воздуха. Эффект получался как от старенького вентилятора, работающего на первой скорости.

Лерка готова была расплакаться. Она смотрела на меня влажными глазами и хлюпала носом.

– Лекси, ну как же так!? Я убью эту мымру из агентства!

– Давай оставим в камере хранения вещи и прогуляемся на пляж. – Единственная здравая мысль пришла мне в этот момент в голову.

Лицо подруги сразу как-то посветлело.

– А давай! Сейчас позвоню туроператору, пусть они с этим «падишахом» за стойкой выясняют отношения, а мы пока позагораем да в водичке поплескаемся!

Лерка развернулась и направилась обратно к рецепции. Через несколько минут ее бурной жестикуляции и криков нам разрешили оставить чемоданы в комнате для персонала.

Переодевшись в купальники и легкие сарафаны до пят, мы вышли на улицу, предвкушая встречу с теплыми волнами океана и белым горячим песком.

Несмотря на утренний час, воздух был раскален до предела. Меня сразу как-то прибило к земле горячими волнами. Дышать было нечем, и я стала открывать рот, как рыба, выброшенная на берег. Я смотрела вдаль, и перед глазами то и дело возникала пелена расплавленного воздуха, словно какой-то фокусник пускал передо мной огромные мыльные пузыри.

Глава 4

– Ты хоть знаешь, куда мы идем? – Лерка остановилась возле высокой пальмы с широкими листьями и облокотилась на нее, размахивая перед лицом своей шляпкой, как веером.

– В путеводителе сказано, что пляж расположен в восьмистах метрах от отеля, – ответила я и уселась прямо на песок под пальмой.

Спрятанный от раскаленных солнечных лучей под плотными широкими листьями, он все еще хранил в себе отголоски ночной прохлады. Влажная ткань сарафана прилипла к моей спине, и я никак не могла отделаться от мысли, что все это очень похоже на русскую баню. Просто кто-то очень сильно растопил печь и теперь не выпускает нас из парной.

Вид у моей подруги был немногим лучше моего. По ее виску катились капли пота, и она то и дело обхватывала ладонями свою копну черных волос, приподнимая их наверх, чтобы дать возможность ветру прогуляться по влажной шее.

Заявленные восемьсот метров, согласно моим внутренним ощущениям, мы преодолели уже давно. Но пляж на горизонте так и не появился. Или мы шли в противоположную от него сторону, или его тут и в помине не было.

– Лекси, где ты взяла это турагентство? Вернись – подорву его к чертовой бабушке вместе с той ехидной дамочкой, что втюхала нам тур!

– Тише-тише! Не шуми, мы и так чересчур много внимания к себе привлекаем. Вляпаемся еще в историю.

Я приложила к губам палец и бросила на Лерку умоляющий взгляд. Честно говоря, спокойствие начало меня покидать. Местные мужчины, попадавшие на пути, бросали на нас совершенно неоднозначные взгляды. Я не могла понять, чего в них было больше – осуждения или вожделения, но чувствовала себя не в своей тарелке. После каждой такой встречи глазами мое тело покрывалось мурашками, а в животе просыпался холодный слизняк, который начинал облизывать стенки желудка, вызывая неприятные спазмы.

А смотреть действительно было на что – блондинка с золотыми выющимися волосами и пышной грудью и кареглазая брюнетка с пронзительным взглядом и ногами манекенщицы, которые просвечивались сквозь ткань сарафана.

– Давай спросим у местных, – предложила я и тут же сама себе дала мысленную затрепину. И кто только меня за язык тянул? Мало мне приключений, не хватает экстрима?

– О, пойду у того «обаяшки» со стадом верблюдов поинтересуюсь, куда нас завел наш навигатор.

Не успела я открыть рот, чтобы остановить ее, как моя подруга сорвалась с места, оставив меня наедине с пальмой. Прозрачный подол ее красного сарафана развевался на ветру, оголяя обнаженные гладкие икры. Хозяин верблюдов поднял на нее свои масляные, почти черные глаза, в которых читалось все, что угодно, кроме гостеприимства и радушия. Я сглотнула и смахнула с виска капельку пота.

Со своего места я не слышала деталей их разговора, наблюдая только, как расплывается в широкой и почти беззубой улыбке загорелое лицо пастуха.

Лерка обернулась и помахала мне рукой, приглашая присоединиться к их обществу. Я нехотя вышла из-под сени широких листьев, сразу же получив по затылку кувалдой из горячих солнечных лучей.

– Лекси, знакомься, это Ахмед, и он радушно согласился проводить нас до пляжа.

Мужчина что-то замычал, одарил меня своей безобразной улыбкой и начал радостно махать рукой, указывая в сторону.

– Лера, не нравится он мне. Предлагаю вернуться в гостиницу и потребовать честно оплаченный номер. И провожатого до пляжа в придачу. Так сказать, в качестве моральной компенсации за причиненные неудобства.

– Успокойся. Все под контролем. За десять баксов он нас еще и опыхалом будет по дороге обмахивать.

Лерка подмигнула нашему новому знакомому и подхватила меня под руку. Я попыталась выдавить из себя улыбку, но получилось что-то вроде гримасы с легким намеком на отвращение. Ахмед блеснул глазами и отвернулся. Он что-то выкрикнул на арабском, и перед нами на колени опустились два верблюда.

– Ну ничего себе! – моя развеселившаяся подруга с ловкостью цирковой гимнастки запрыгнула животному на спину и жестом предложила мне повторить ее подвиг.

Интуиция подсказывала мне, что дело пахнет керосином, но разве могут соперничать доводы шестого чувства с напором лучшей подруги?

– Лекси, тут так здорово! Так высоко! Забирайся! – Лерка вертелась между двух верблюжьих горбов, как юла, не забывая радостно размахивать руками и прикрикивать «йохоу». В итоге я сдалась.

После того, как я забралась верхом на этот «корабль пустыни», Ахмед взял животных за поводья, и мы двинулись в путь.

Полуденное солнце безжалостно жарило нас, словно мы были двумя баварскими колбасками на гриле. Верблюды двигались плавно и медленно, как будто старались нас усыпить. От ярких красок зелени пальм, золота песка и синевы неба у меня перед глазами замельтешили мушки. И только Ахмед продолжал идти как ни в чем не бывало, напевая себе под нос какую-то восточную мелодию.

– Тебе не кажется, что мы зашли еще дальше от отеля? – Я бросила на подругу тревожный взгляд.

– Не переживай. Если мы изначально шли не в том направлении, теперь наш путь вполне логично удваивается.

Я обернулась и увидела, что жилые постройки деревни остались далеко позади. Впереди возвышались только молчаливые песчаные дюны, покрытые редкими колючками. Мое шестое чувство верещало, что пляж совсем в другом месте и нам нужно немедленно разворачиваться.

– Лера, он ведет нас не туда! – заявила я испуганным, почти истеричным тоном и начала озираться вокруг, в надежде увидеть хотя бы еще одно живое лицо.

– Ну ты и зануда! – ответила мне подруга и окрикнула нашего провожатого.

Ахмед обернулся, но движение не прекратил. Он кивал головой, широко улыбался, повторял как заведенный одно и то же слово «Джиннат» или «Аль-Джинна» (я не могла точно разобрать), смысл которого был известен только ему, а я с каждой секундой все больше утверждалась во мнении, что ему абсолютно параллельно, что мы о нем думаем и какие вопросы задаем.

Деревня тем временем почти скрылась из вида. Мушки перед моими глазами приняли вполне реальные очертания, так что можно было даже разглядеть крылья и усики, голова начала кружиться, а во рту пересохло. Увидев, что пляжа нет даже на горизонте, занервничала и Лерка.

– Останови верблюда, чертов араб! – начала она кричать, вцепившись бедному животному в шею.

Я приложила ладонь к затылку и тут же ее отдернула. На моей макушке можно было жарить яичницу. Я смотрела на охрипшую от крика подругу, на равнодушно жующего колючки верблюда, на бескрайнее золото дюн и прощалась с сознанием.

Я изо всех сил цеплялась за реальность, щипая себя за запястья и широко распахивая глаза, словно это могло удержать меня на плаву.

«Солнечный удар», – подумала я и плюхнулась лицом на верхушку верблюжьего горба, больно ударившись носом. Последнее, что запечатлелось в моей памяти, – испуганные глаза Лерки и ее протянутая рука.

Глава 5

Я очнулась от резкого чесночно-лукового запаха, ударившего в нос. Затем несколько раз громко чихнула. Голова трещала от нудной ноющей боли, а глаза слезились, не давая возможности рассмотреть место, в котором я оказалась. Чья-то тяжелая ладонь маячила перед моим лицом, размахивая веточкой какой-то травы.

– Слава аллаху! Очнулась! Ага, неси скорее воду! – звучный утробный голос прозвучал прямо у меня над ухом. Я попыталась определить, кому он принадлежит – мужчине или женщине, но тут же получила за свои старания по темечку. Виски пронзила сильная боль, словно кто-то одновременно с двух сторон стукнул по ним молотком.

– Наргес Хатун, какую воду нести? Холодную или горячую? – писклявый, как у подростка, мужской голосок прозвучал чуть в отдалении.

– Холодную, конечно! Что за бестолковый народ?! Шайтан тебя подери!

Я слушала эту колоритную арабскую речь и удивлялась своим чудесным образом открывшимся познаниям персидского языка. Что это – солнечный удар и помутнение рассудка? Или я просто сплю?

Через несколько секунд я услышала быстрые шаги по каменному полу. Внезапно мне на лицо вылили целую пригоршню ледяной воды. От неожиданности я открыла глаза и начала жадно хватать ртом воздух, наполненный уже знакомым едким запахом лечебной травы и восточными благовониями. Сердце в груди выдавало перебои, словно сигнало «SOS» на азбуке Морзе. Я уставилась на высокий деревянный резной потолок, стараясь вспомнить – видела ли я его в гостинице?

– Давай, голубушка! Открывай рот!

Я посмотрела на хозяйку низкого, почти мужского голоса. Надо мной склонилось полноватое, уже немолодое лицо с густой линией черных бровей и острым носом, как у вороны. На голове у этой особы красовалась черная бархатная тюбетейка, наподобие татарского головного убора «катташи». Тюбетейка была вышита жемчугом и золотыми нитками. Сзади к ней крепилась широкая лента прозрачной белой ткани, скрывающая черные с проседью волосы.

Одета была эта грозного вида дама в глухое платье из зеленой парчи с широкими рукавами, украшенными алыми шелковыми лентами. Спереди платье было короче, и из-под него торчали ноги в серебристого цвета широких штанах, перетянутых на щиколотке алой лентой.

В ее руке я увидела десертную ложку со странной оранжевой кашицей, от которой пахло медом и корицей.

– Вот же дикарка! Вытаращила на меня свои бездонные зеленые глазищи и хлопает ресницами! Открывай рот, тебе говорят! – Женщина сдвинула брови и поднесла ложку к моим губам, почти касаясь их ее кончиком.

– Не сердись, Наргес Хатун, девочка испугана, никак в себя не придет!

Рядом с ее грузным лицом появилось женоподобное личико молодого мужчины в чалме и длинной серой рубаше, из-под которой торчали светлые шаровары.

– Сейчас я ей помогу прийти в себя! А ну! Вот как назначу сорок палок! Открывай рот!

Я открыла рот и тут же получила ложкой по зубам. Содержимое оказалось вполне съедобным – смесь кураги, инжира, орехов и меда, приправленная корицей.

– То-то же! Масуд-ага, помоги мне ее усадить. И где только носит Зейнаб-калфу и Арзукалфу?! Все приходится делать самой! Выгоню на съедение шакалам! Кругом одни лентяи! – грозная дамочка разошлась не на шутку. На звуки ее голоса, похожего на удары колокола, моя голова отзывалась острыми спазмами.

Ловкие руки мужчины подхватили меня под локти и потянули на себя. В висках все еще стучало, хотя уже и не так сильно.

Я уселась на кровати, с которой меня подняли, и осмотрелась. Комната, в которой я находилась, была небольшого размера и скромно обставлена. Выбеленные стены, деревянные лавки, покрытые лаком, несколько плоских подушек на полу, пара окон с затейливыми деревянными решетками в мавританском стиле, да ряд узких кроватей, отделенных друг от друга ширмой из выцветшего льна. По периметру комнаты к стенам были прикручены факелы, освещавшие помещение.

– Где я? – спросила я у мужчины, который показался мне более добродушным, чем его начальника.

– Тебе кто открывать рот разрешал, а?! – Наргес Хатун подперла руками бока и впиалась в меня взглядом, полным превосходства. У меня мурашки побежали по коже, а в груди все сжалось от страха. – Вот же бестолковая наложница! Глупенькая джарийе! Вот как такую к падишаху вести?

Она отвернулась от меня и уставилась на Масуд-агу, который только пожал плечами и расплылся в услужливой улыбке. Очевидно, эта особа держала тут всех в ежовых рукавицах.

Я не сразу уловила смысл ее слов про «наложницу» и «падишаха», но когда шестеренки в моей голове вновь закрутились с бешеной скоростью, передавая смысловые сигналы в мозг, я как ужаленная подскочила с места и уставилась на эту странную парочку.

– Меня похитили?! Сколько вы заплатили этому Ахмеду? Сто тысяч долларов? Двести?

– Масуд-ага, растолкуй этой несчастной, как нужно разговаривать с хазнедар!

Я знать не знала, что еще за «хазнедар» такая, но судя по тону, которым это было сказано, должность была руководящая и весьма уважаемая.

– Хатун, сядь, успокойся, – елеинным голосом заговорил мужчина. – Не будь дурочкой, слушай хазнедар, усердно учись, старайся, и, возможно, когда-нибудь, иншааллах! – в этом месте он театрально воздел глаза к потолку и поднял вверх указательный палец, – тебя позовет в свои покои сам шахиншах Джахан Великолепный, правитель Ирана и Омана, падишах Аравии и Персии, второй шах династии Сефевидов, да продлит Аллах его годы!

Мои брови медленно ползли вверх. На несколько секунд я даже потеряла дар речи. Какой еще шахиншах? Какие Сефивиды? Какой Иран, Оман и Аравия? Что за чертовщина?!

– Но ведь я в Абу-Даби! Прилетела сюда утром на самолете! – я испуганно моргала ресницами и переводила взгляд с Наргес Хатун на Масуд-агу и обратно. Услышанное никак не укладывалось у меня в голове.

– Вот же смешная джарийе! Наргес Хатун, ты только послушай, что она говорит – прилетела сюда утром на каком-то самолете! – Мужчина обхватил себя за живот и принялся хохотать как сумасшедший, постепенно заражая своим смехом строгую начальницу. – Что это еще за птица такая – самолет? Скажи-ка мне, хатун, сколько перьев ты у нее повывидрала, пока вы летели?

Я ровным счетом ничего не понимала. Смех грузной дамы и ее прислужника заполнил собой все пространство.

– А она веселая, может приглянуться падишаху! – ответила ему Наргес Хатун, заливаясь смехом и едва сдерживая слезы. – Веди ее в хамам. Пусть ее там лекарша осмотрит да вымоет как следует. А то пока кроме зеленых глаз ничего и разглядеть невозможно. Пылью заросла, как ковер в чулане!

Масуд-ага подхватил меня под локоть и потащил к выходу, продолжая хохотать и причитать:

– Прилетела она, на самолете. Вот же придумает, глупая хатун.

Я еще раз обернулась и бросила на хохочущую женщину недоумевающий взгляд.

– Что вы сделали с моей подругой? Где Лера?

Но на мои возгласы никто уже не обращал внимания. Ответом мне были все те же причитания Масудаги да приглушенный грубый смех хазнедар за тяжелой дверью.

Глава 6

Я стояла в стройном ряду молоденьких девушек. Только, в отличие от меня, они не вертели недоуменно головой по сторонам, а спокойно шептались друг с другом, периодически хихикая и бросая неоднозначные взгляды на гаремных евнухов, охраняющих вход в зал, в котором мы находились.

Меня привели сюда после бани и унижительной процедуры осмотра лекаршей – молчаливой женщины в полосатом халате и шароварах, – которая сперва заставила меня открыть рот и внимательно рассматривала зубы, словно я была арабским скакуном на продажу, потом долго и больно мяла мне грудь, а в конце заставила усесться на мраморную лавку и раздвинуть ноги. Этот момент нашей встречи мне хочется забыть как можно скорее – она больно ширнула своим указательным пальцем мне между ног, прокрутила его внутри несколько раз, а потом укоризненно покачала головой.

А что она хотела? Чтобы молодая и привлекательная, да еще и девственница? Мало того, что похитили, притащили в гарем какого-то богатенького эмира, возмнившего себя персидским шейхом, так еще и девственницу им подавай! Лучше смотреть надо было, когда выбирали жертву!

Потом эта особа, не произнеся ни слова, достала из кармана какую-то стеклянную баночку с зеленой мазью, обмакнула в нее все тот же указательный палец и погрузила его в мою вагину. В тот момент я думала, что превращаюсь в дракона и могу взлететь, попутно выпуская языки пламени из того самого места. Внутри все горело и пылало, словно эта ужасная мазь была сделана из смеси черного и красного перца.

Спустя час ощущения были немногим лучше. Мышцы ныли и пульсировали, их как будто кто-то растягивал, привязав с двух сторон по гирьке.

– А вас тоже похитили? – я наклонилась к соседке справа и с видом заговорщика прошептала ей свой вопрос на ухо.

– Продали. Пираты, – равнодушно ответила мне русоволосая девушка, похожая на гречанку.

– У нас что, еще не искоренили рабство и торговлю людьми? – У меня от удивления открылся рот. – Я, конечно, смотрю новости и периодически слышу, что людей воруют и требуют выкуп, но вот чтобы так – массово, – вижу впервые. Еще и пираты. Из Сомали?

– Ты с луны, что ли, свалилась? – с усмешкой ответила мне гречанка. – Никогда это не искоренят, пока есть гарем османского султана и персидского шаха. И какое такое Сомали? Где это? – девушка вопросительно уставилась на меня.

Опять какой-то султан и шах. Что за бред?! Последний султан Османской империи умер еще в начале двадцатого века. А на месте Персии давным-давно Иран, Эмираты и прочие вновь образованные государства. К тому же как можно не знать сомалийских пиратов? У нее телевизора, что ли, нет?

– И сколько же за вас заплатили? Сколько тысяч долларов стоит нынче человеческая жизнь?

– Вот ты странная! – девушка смерила меня недоуменным взглядом и цокнула языком. – Какие еще доллары? За меня капитану заплатили десять серебряных дирхамов!

Она произнесла эту сумму с гордо поднятой головой, как будто говоря мне: – Смотри, какие деньжищи за меня отвалили! Я ценное приобретение!

Голова шла кругом. Султаны, шахи, дирхамы. А еще и странная деревянная мебель, одежда прямиком со съемок исторического сериала, факелы на стенах вместо электрических лампочек. Куда меня привез этот проклятый Ахмед? И где он сам? И где Лерка?

Вопросы в моей голове возникали быстрее, чем я находила на них ответы.

– Эй, вы, двое! – высокая темноволосая девушка в бордовой рубаше и золотых шароварах, с тюбетейкой на голове, бросила на нас сердитый взгляд. – Вам кто разрешал шушукаться? Рты на замок!

– Я Елена, с Крита, – сквозь зубы прошептала моя собеседница, слегка наклонив в мою сторону голову. – А эта змея – Зейнаб-калфа, помощница хазнедар. С ней лучше не спорить. Чуть что не так – сразу отправляет на фалаку.

Дрожь прокатилась по моему телу при упоминании этой средневековой гаремной пытки. Куда же я попала, если здесь все еще наказывают ударами палок на фалаке?!

Неожиданно в зал, где мы находились, уже знакомый мне Масуд-ага за волосы втащил брыкающуюся и кричащую девушку. На бедняжке была надета такая же светлая льняная рубаша, как и на всех нас, только порванная в нескольких местах. Черные волосы закрывали ее лицо. Но вот голос показался мне до боли знакомым.

– Иди, несчастная! Хазнедар так просто это не оставит! Ты сама себе подписала смертный приговор! О аллах! – приговаривал Масуд-ага, толкая ее вперед до тех пор, пока она не встала последней в нашем ряду. – Сама себя лишаешь счастливого шанса оказаться в покоях повелителя! Сгниешь в старом дворце, вычищая чаны да кастрюли! Шайтан тебя подери, несносная девчонка.

– Да пошел ты, кастрат! – огрызнулась девушка и смачно сплюнула на пол.

Сердце в моей груди замерло, едва я услышала родной голос подруги. Это была Лера, сомнений больше не осталось. Она убрала с лица волосы и горделиво задрала подбородок.

– Ай-ай, да откусит шакал твой грязный язык! Бесстыжая! – Масуд-ага покачал головой и пригрозил ей пальцем.

– Лерка! – Я слегка наклонилась, чтобы меня было видно, и посмотрела в ее сторону.

Лицо подруги сначала напряглось, а потом она обернулась ко мне, расплываясь в широкой улыбке.

– Лекси!

– Я что, плохо объяснила?! – Ко мне подошла та самая Зейнаб-калфа и больно схватила за запястье. – Двадцать ударов палками на фалаке! – гаркнула она на весь зал, так что эхо ее гнусавого голоса разнеслось до потолка.

– Ах ты курица! – закричала Лерка и сделала в мою сторону несколько шагов.

Еще бы чуть-чуть, и эта злобная стерва точно отправила бы нас на фалаку, но в этот момент деревянные двери распахнулись, и в зал вошла Наргес Хатун. Лерка поспешила встать на место.

Хазнедар несла себя, словно драгоценность. Горделиво ступая, держа голову высоко и ровно, эта важная особа смотрела куда-то перед собой, словно не замечая нашего присутствия. Наряд из дорогой ткани шелестел при каждом шаге, а вышитая драгоценными нитями и жемчугом тюбетейка добавляла ей пару сантиметров роста, делая ее еще более важной и статной.

Она остановилась в центре комнаты и окинула нас быстрым цепким взглядом. Затем подошла к последней в ряду девушке слева от меня. Взяв ее за подбородок и бросив оценивающий взгляд на ее лицо, она слегка толкнула девушку в плечо, так что та была вынуждена сделать шаг назад. Вторую девушку постигла та же участь. Возле третьей Наргес Хатун задержалась и кивнула Масуд-аге. Тот взял девушку за локоть и отвел в сторонку. Очередь дошла до меня.

Строгая начальница гарема больно схватила меня за подбородок двумя пальцами, затем опустила взгляд на вздымающуюся под тканью рубашки пышную грудь, потом посмотрела мне прямо в глаза и, поразмыслив пару секунд, толкнула меня в плечо. Что это означало, я еще не поняла. Очевидно, она отбирала девушек. Но для чего? Или для кого? И что мне

теперь делать – радоваться, что меня для «этого» не выбрали, или горевать, что не попала в число избранных?

Пока я размышляла, стоя среди отвергнутых, хазнедар добралась до Лерки.

– Строптивая девушка. Много сил придется потратить на воспитание. Что скажешь, Масуд-ага?

Наргес Хатун протянула к Лерке руки и наглым образом вцепилась обеими ладонями ей в грудь. Лицо моей подруги перекошилось от злости. Она схватила хазнедар за запястья и резким движением убрала ее руки с груди.

– Не смейте меня касаться! Кто вы такая? Что вы себе позволяете?! Я подам заявление в полицию! – кричала Лерка.

Зейнаб-калфа тут же подлетела к ней и ловко скрутила руки за спиной.

– Сатрапы! Кровопийцы! Бандиты! Вас всех арестуют! – верещала моя подруга, а я мысленно молилась, чтобы она заткнулась. Что-то подсказывало мне, что Зейнаб-калфа вовсе не шутила про фалаку и двадцать ударов палками.

– Успокойся, сумасшедшая! Какая невоспитанная рабыня! – причитал Масуд-ага, качая головой.

Хазнедар тем временем схватила подол Леркиной рубахи и резко задрала его наверх до самого пупка, открыв наготу моей подруги всем собравшимся.

– Сволочи! – завывала моя подруга и начала извиваться, как змея. Я прикрыла лицо руками. Такое унижение она им точно не простит.

– Посмотри, Масуд-ага! Лобок ухоженный, бедра упругие, ноги длинные и стройные. Кожа нежная, мягкая. Живот плоский и красивый. Будем с ней возиться или перепродадим?

– Повелителю уж больно наскучила Дэрья Хатун. Совсем загрустил. Как бы не заболел, избави аллах!

Лерка продолжала извиваться и брыкаться, изо всех сил стараясь освободить из плена руки.

– Но эта наложница – сущий демон. Сбежала из хамама, ударила евнуха, много ругается и кричит. Даже не знаю, Наргес Хатун. Стоит ли овчинка выделки?

– Ясно.

Хазнедар сдвинула брови и еще раз внимательно посмотрела на красную от стыда Лерку.

– Слушай меня, хатун, не перебивай. У тебя есть выбор. Две дороги открыты перед тобой. Первая – ты усердно учишься, слушаешь меня, агу и калф, попадаешь в покои падишаха, рождаешь ему наследника и становишься султаншей. Вторая – ты брыкаешься, как бешеная кобылица, ругаешься, как янычар, дерешься с прислугой и оказываешься на невольничьем рынке, где мы продаем тебя старому вдовцу за два медяка. Жизнь свою ты кончишь в какой-нибудь дыре под Тебризом. Тебе выбирать.

Лерка притихла и даже перестала дергать руками.

– Хорошо. Я буду учиться, – обреченно выдала моя присмиревшая подруга, стыдливо опустив голову.

– Так-то лучше. – Наргес Хатун похлопала ее по плечу и ехидно улыбнулась.

– Остальных ведите в кладовую. Пусть начинают работать. Сегодня нужно перебрать пять мешков гороха. Пока не сделают – ужином не кормить!

«Не царское это дело», – подумала я, в то время как крепкие руки Зейнаб-калфы подталкивали меня к выходу.

Глава 7

– И что нас теперь ждет? – спросила я у своей новоиспеченной знакомой с Крита, не переставая тереть мыльной тряпкой каменную стену, закопченную дымом факела.

Позади нас, как надзиратель в исправительной колонии, сложив за спиной руки и вытянувшись по стойке «смирно», стояла Арзу-калфа – вторая помощница хазнедар в гареме.

В паре с Зейнаб-калфой они очень правдоподобно играли роли доброго и злого полицейских. Несмотря на строгий и даже слегка грозный вид, в ее глазах читалась доброта и сочувствие.

– А что нас ждет? – Элена шмыгнула носом и вытерла рукавом капельку пота с виска, – зачем, спрашивается, они отвалили за меня целое состояние? Чтобы получить еще одну джарийе? Вчера мешок гороха перебрала, сегодня копать отмываю. Посмотри на мои руки, на мою нежную кожу, на мои шелковые волосы! Теперь все это пойдет коту под хвост! Султанша в обличье служанки – что может быть ужасней?!

Девушка горько вздохнула и отвернулась от меня, принявшись с удвоенным усердием тереть грязную стену.

– Девушки, работаем! Не отвлекаемся! – прикрикнула Арзу-калфа, не сдвинувшись с места.

– То есть мы прислуга, и к этому шаху, или как там его, нас не поведут? – спросила я шепотом, слегка наклонив голову в ее сторону.

– Именно. И это ужасно, – опять с грустным придыханием ответила Элена.

– Но что же в этом ужасного? Радоваться нужно, что не придется ублажать старого похотливого араба!

Она повернула ко мне голову и на секунду застыла с тряпкой в руке. Ее брови поползли вверх, а в глазах появилось что-то вроде: «Вот же дура бестолковая!»

– Какого еще старого похотливого араба?! – шикнула она на меня, вытаращив свои огромные голубые глаза. – Шах Джахан самый красивый и желанный мужчина из всех ныне живущих правителей. Он молод, силен, умен, образован! А ты читала его стихи? Он пишет такие стихи, что невольно слезы выступают на глазах. – Элена прикрыла веки и на мгновение прекратила тереть тряпкой стену. – Вот, послушай:

Я ныне властитель державы любви!
Тоска и беда – вот визири мои.
В костях моих мозг, словно воск, растопился,
Огонь поселился в безумной крови!¹

Она глубоко вздохнула и посмотрела на меня влажными глазами, полными обожания.

– Любая сочтет за честь провести ночь в его покоях.

Я не верила своим ушам, наивно полагая, что попала в гарем какого-нибудь эмира-склеротика лет восьмидесяти, которому бес ударил в ребро. Оказывается, хозяин гарема вполне приличный человек. Возможно, даже учился где-нибудь в Европе, а теперь занимает какой-нибудь важный пост в правительстве Эмиратов. Тем сложнее будет вырваться на свободу из плена.

– Да неужели тебе не противна сама мысль о том, что ты делаешь это не по любви, а по принуждению?! – возмутилась я. – Хотя стихи очень красивые.

¹ Авторство строк принадлежит первому шаху династии Сефевидов Исмаилу I, писавшему под псевдонимом Хатен.

– О каком принуждении ты говоришь? Я сама сбежала из дома и спряталась на пиратском судне, чтобы попасть сюда.

– Но как ты о нем узнала? Его показывали в новостях по телевизору? – спросила я.

– Я иногда думаю, что ты чокнутая. Что такое телевизор? И как по нему могут показывать? – Елена смотрела меня полным недоумения взглядом, как будто на мне был скафандр, а сама я прилетела с Альфа-Центавра.

– Это ты чокнутая. Как можно в двадцать первом веке не знать, что такое телевизор?! – обиженно ответила я и отвернулась от нее.

– В каком-каком веке? – ошарашенно выдала Елена, открыв от неожиданности рот.

Я не понимала, почему мои слова вызвали у нее такую реакцию, и уже хотела было отпустить какую-нибудь сальную шуточку на тему ее умственных способностей, но нам помешали.

Из-за угла появилась стройная процессия во главе с Зейнаб-калфой. Она важно вышагивала, прикрикивая:

– «Быстро, быстро!

За ней вереницей тянулись прекрасные девушки, причесанные и ухоженные, с блестящими глазами и в гораздо более приличной одежде, нежели мы. От них веяло чистотой, ароматами миндального молока и меда. В руках у каждой был небольшой струнный инструмент в форме трапеции и деревянный молоточек к нему.

Предпоследней шла Лерка. На ее отдохнувшем лице играла легкая мечтательная улыбка.

– Лера! – позвала ее я, в надежде, что нам наконец дадут поговорить. Мне до жути было любопытно, как мы здесь оказались и где этот проходимец Ахмед.

Подруга, услышав мой голос, вздрогнула, словно я вывела ее из оцепенения, а затем с благосклонностью посмотрела на меня.

– Я теперь Зулейка, Лекси! Зулейка – значит красавица! – Лерка расплылась в счастливой улыбке, блеснув ровным рядом мелких белых зубов.

– Хатун, кто тебе разрешал говорить? А ну-ка, быстро на занятия! – одернула ее Зейнаб-калфа и бросила на меня полный гнева взгляд. – А ты, джарийе, продолжай работать, да поменьше по сторонам глазей, а то спать ляжешь голодной!

У меня внутри все закипело. Какого черта они сделали с моей подругой?! Я смотрела ей вслед и не могла никак взять в толк, как строптивая Лерка позволила им себя переименовать, да еще и радуется этому, как манне небесной?!

Неожиданно подруга обернулась и крикнула мне:

– Лекси, это бред какой-то, но мы с тобой в Средневековье! На дворе 1576 год!

Я посмотрела ей в глаза, надеясь увидеть в них шуточный блеск, но ее взгляд говорил только одно – «мы сошли с ума». Я будто увидела сцену из любимого фильма про Ивана Васильевича, который решил сменить профессию, где Ульяна Андреевна говорит: «И тебя вылечат».

Лерка слегка покачала головой, словно предостерегая меня от бурной реакции, а затем вновь приподняла в едва заметной улыбке уголки рта и поспешила догнать отдалившихся девушек во главе с калфой.

– Вот же повезло! Ну почему одним уроки игры на сантуре, добротная одежда и крепкий сон, а другим ведро, тряпка да соломенный матрас? – возмутилась Елена, провожая завистливым взглядом более удачливых наложниц.

Я слушала, но не слышала ее возмущенных причитаний. В моей голове звенели последние слова подруги: «На дворе 1576 год».

Как такое возможно?! Неужели Лерка насмотрелась фантастических фильмов про машину времени, а солнечный удар разбудил ее буйное воображение?

Голова трещала от разношерстных мыслей, противоречащих друг другу. Я сжала челюсть и вернулась к закопченной стене. И чем сильнее я ее терла, тем больше подтверждений словам подруги всплывало в памяти.

Вот это я попала.

Глава 8

Спустя неделю моей гаремной жизни, мне, можно сказать, повезло. Арзу-калфа сжалась надо мной и моими израненными щетками и мыльной щелочью пальцами и поручила мне взбивать подушки в покоех Дэрри Хатун – фаворитки шаха Джахана.

Ее двухкомнатная квартира (а иначе это никак нельзя было назвать) – со спальней, гостиной и чуланчиком для отдыха служанки – была обставлена не в пример тому курятнику без единого окна, в котором поселили меня и остальных джарийе.

На окнах красовались резные деревянные решетки с затейливыми орнаментами, сквозь которые струился солнечный свет, каменный пол был устлан мягкими и теплыми коврами, а на диванах лежали мягкие подушки с красивой вышивкой. Металлический стол с коваными ножками, который стоял в центре гостиной, блестел, словно фольга на солнце.

Особое восхищение вызывала кровать – большая, высокая, с бархатным балдахином и шелковым одеялом.

Честно говоря, мне уже порядком поднадоело бесплатно вкалывать за еду и ночлег, но как улучшить свое жалкое положение я еще не придумала. Мое желание совершить побег или устроить бунт пропало напрочь после того, как я стала свидетелем пытки фалакой одной дерзкой девушки. Она нагрубила какой-то важной женщине с шикарнейшей короной на голове, за что Зейнаб-калфа немедленно велела евнухам устроить показательное наказание. Нас выстроили в ряд перед привязанной к фалаке девушкой и заставили смотреть, как один из евнухов лупит по ее пяткам бамбуковой палкой. Бедняжка кричала и извивалась, как змея, а у меня сердце подпрыгивало до самого горла от страха. Да и куда мне было бежать, если я, согласно Леркиным данным, каким-то чудесным образом оказалась в 16 веке?

К тому же не давали покоя мысли о более везучей подруге, которая жила в комнате на двоих с удобной кроватью, большим зеркалом и аккуратным окошком, выходящим в сад, – чем не номер-стандарт в трехзвездочной гостинице в арабском захолустье? Мне там разрешилось только пыль вытирать да пол мести.

Мне так и не удалось поговорить с Леркой-Зулейкой, которая постоянно была на каких-то занятиях то по письму и стихосложению, то по искусству танца, то по игре на сантуре, а когда возвращалась – меня, как на грех, привлекали к очередным общественным работам. За этими размышлениями меня и застала хозяйка шикарных апартаментов.

Дверь в покои распахнулась, и я услышала шелест дорогой ткани, а воздух наполнили ароматы ванили и амбры.

– Ты кто такая? Новенькая? – пропел тонкий нежный голосок.

Я медленно обернулась и слегка склонила голову, как велела Арзу-калфа, исподлобья начав рассматривать хозяйку дивного голоса – фаворитку падишаха Дэрри Хатун.

Это была чуть пышноватая, но очень фигуристая шатенка с огненно-рыжими волосами, напоминающими языки пламени. Ее белоснежная фарфоровая кожа блестела и сияла, а глубокие синие глаза, искусно подведенные сурьмой, гипнотизировали ничуть не хуже товарища Кашпировского.

Наряд из золотой парчи и зеленого атласа с широкими рукавами блестел и переливался, завораживая своей красотой. Шею фаворитки украшало великолепное кольцо с огромным рубином, а голову венчала чалма с нашитыми изумрудами.

У меня едва не отвисла челюсть от такой роскоши. Я даже дар речи потеряла, засмотревшись на эту одалиску, сошедшую с картин средневековых художников.

– Ты что, не слышишь? Или язык проглотила? – в нежном голосе Дэрри Хатун появились металлические нотки.

– Я Лекси, госпожа. Новенькая, – ответила я, не поднимая головы.

– Что еще за имя такое? Откуда ты?

Она прошелестела мимо меня и грациозно села на диван.

– И голову подними. Хочу в глаза твои посмотреть.

Я подняла голову и посмотрела на нее – настоящая красавица, ничего не скажешь.

– Из России, госпожа.

– Что еще за Россия? Русь? Татары деревню разорили? – спросила она с видом знатока.

– Нет. Я сама сюда приехала, отдохнуть. А пастух верблюдов завел меня с подругой в пустыню... – начала я свой печальный рассказ, но не смогла договорить, так как девушка сперва расплылась в широкой удивленной улыбке, а затем расхохоталась в голос.

– Ой, какая ты смешная! Сама приехала! – заливалась смехом фаворитка, обхватив себя за талию.

Я в который раз за прошедшую неделю ущипнула свое запястье и мысленно выругалась, коря себя за длинный язык. Пора бы уже понять, что моим рассказам здесь никто не верит, а большая часть служанок держит меня за умалишенную.

– Простите, госпожа! – промямлила я и начала пятиться к выходу, согнувшись пополам.

– Стой! – крикнула мне Дэрря Хатун, утирая своими изящными пальчиками слезы смеха с лица. – Я тебя забираю к себе. Ты веселая – будешь меня развлекать. Приноси свои вещи и располагайся в маленькой комнате. Теперь ты моя служанка, – выдала она тоном, не терпящим возражений. – А то моя предыдущая помощница решила попариться в хамме, да поскользнулась и ударилась головой о мраморный выступ! Умерла, бедняжка... – продолжила фаворитка, как-то совсем не по-доброму блеснув глазами и уж точно не показывая ни капли сожаления в связи со столь прискорбным событием.

– Мне очень жаль, госпожа! – ответила я.

– Падишах тоже очень расстроился, красивая была, темноокая... Брови – два полумесяца... – Девушка подняла глаза вверх и театрально вздохнула. – Погоревал-погоревал, да и забыл. А я осталась. Так-то.

Намек был более чем прозрачный. Прямо как в популярном сериале про питерских ментов – «это наша корова, и мы ее доим».

– Так мне можно идти? – спросила я, опасаясь ляпнуть что-нибудь лишнее и стать очередной мишенью для этой опасной особы.

– Иди! Да не задерживайся! – весело ответила мне моя новая госпожа.

Радовало одно – я больше не буду спать в том курятнике и драить отхожие места. А там что-нибудь придумаем.

Глава 9

Прожив в покоях фаворитки пару дней, я поняла, что на моей шее поселилась жирная жаба. Противная такая, зеленая, с длинными склизкими лапками, которыми она то и дело обхватывала меня за горло и душила.

Короче – грусть-тоска меня снедала вдали от родимой сторонки. Завидовала я. Пока еще не поняла – белой или черной завистью, но вот обзавестись своей квартиркой, да при-слугой в придачу захотелось мне аж жуть как.

Дэрья Хатун особо не зверствовала, по ночам в лес за подснежниками не посылала, звезд с неба не требовала. Все ее указания были строгие, но вполне выполнимые – сбегать на кухню за куропатками (я на них только облизывалась, ибо есть такое по рангу было не положено), привести лекаршу, сложить ткани в сундук, помассировать ступни, ну и прочая мелочь.

Сегодня с утра она была сама не своя. Все ходила по комнате взад-вперед да пальцы теребила. За пару часов сменила три наряда, мне пришлось дважды переделывать ей прическу (то на правый бок уложи, то на левый), съела тарелку винограда и все никак не могла успокоиться.

Мне, естественно, никто не докладывал о причинах такого нервоза, так что оставалось только строить догадки.

– Иди, что ли, найди мне Зейнаб-калфу! – истеричным, почти плачущим голосом заявила моя хозяйка, замерев перед столом с огромной вазой, наполненной персиками и инжиром.

– Как прикажете, госпожа! – я присела в реверансе и поспешила покинуть эту «палату № 6».

Не успела я сделать и пары шагов по длинному каменному коридору, который вел из покоев фаворитки в общую комнату джарийе, как наткнулась на Арзу-калфу.

– Ты чего без дела шатаешься? Где твоя госпожа? – спросила она меня, строго сдвинув брови.

– Она послала меня за Зейнаб-калфой, – ответила я.

– Ох, несчастная... Лучше тебе пока не показываться госпоже на глаза. Иди давай, пережди бурю в комнате уста. К Зулейке иди. Помоги ей к вечеру приготовиться – она с другими девушками сегодня танцевать для падишаха будет. А я к госпоже сама поспешу.

Я не верила своему счастью – меня отправили прямо к Лерке в объятия. И это спустя почти две недели нашего пребывания черт знает где! Однако женское праздное любопытство не позволило мне броситься исполнять это указание сию же минуту.

– Арзу-калфа, а кто же посмел госпожу расстроить? Уж не заболела ли она? – с притворной заботой и испугом в голосе промямлила я, подняв на нее свои печальные глаза.

– Заболеешь тут, когда гарем новых уста полон. Хазнедар и валиде постоянно в постель к падишаху новенькую подкладывают, да еще и праздник с танцами решили устроить. Сегодня к повелителю новую наложницу поведут. Вот твоя госпожа и мучается.

Вон оно что – ревность. Теперь ясно, почему Дэрья Хатун себе места не находит. Я бы тоже с ума сошла – подумать только, твой мужик в любое время дня и ночи может себе новую бабу заказать, а ты и пискнуть не смей.

Я собиралась было уже отправиться на долгожданное свидание с подругой, но из-за угла появилась фигура высокого, статного, а самое главное – невероятно красивого мужчины, в длинном кафтане черного цвета с золотыми пуговицами.

Я тарасилась на него, как баран на новые ворота, не в силах отвести взгляда. Он был похож на киноактера, сошедшего прямо с экрана кинотеатра и направляющегося ко мне в

объятия под яркими вспышками фотокамер, роль которых в данном варианте постановки играли все еще тлеющие с ночи факелы на стенах.

Его гладкое светлое лицо с легкой щетиной на фоне мрачных серых плит коридора светилось, словно лунный диск. Синие, как вечернее небо, глаза сияли молодым блеском, путая мысли и затягивая в свой омут. Коротко постриженные угольно-черные волосы переливались в лучах полуденного солнечного света, проникающего в коридор сквозь небольшие треугольные окошки под потолком.

Его прямая, статная походка выдавала в нем вельможу, а возможно, и еще кого покруче.

– Голову склони, немедленно! – прошипела мне Арзу-калфа, и сама согнулась пополам в чересчур любезном поклоне.

Я быстро склонилась, рассматривая теперь пол под своими ногами и слушая с замиранием сердца стук его ровных тяжелых шагов. В голове вертелся вопрос – если это не евнух, то как он попал в гарем, куда мужчинам ход заказан? И, словно услышав мои мысли, Арзу-калфа решила заговорить.

– Повелитель! – елеинным голосом пропела она, склоняясь еще ниже.

Сердце в моей груди кувыркнулось и подпрыгнуло почти до самого гипоталамуса. Была бы возможность – вообще бы вырвалось под потолок и ускакало галопом, прочь от этого сказочного, невероятно привлекательного и сексуального самца, спасая и себя, и хозяйку (меня то есть).

«Вот это да! – подумала я. – Сам шахиншах Джахан Великолепный пожаловал в гарем, дабы утешить дружеским поцелуем взбесившуюся от ревности фаворитку».

Звук шагов затих, и я увидела носы его кожаных, натертых до блеска черных сапог. Сердце выскакивало из груди, выдавая перебои. Он остановился возле меня и молчал. Тишину пронзало его глубокое дыхание, а воздух наполнил аромат терпких мужских духов с запахами мускуса и сандала, приправленными едва уловимыми нотками мандарина. Я могла бы бесконечно вдыхать этот воздух!

Моя кожа уловила почти незаметный ветерок, как от взмаха руки или поворота тела, и вдруг его ладонь обхватила мой подборок. От неожиданности я вздрогнула и вся сжалась в комок. Зачем ему понадобилось хватать меня за лицо? Он рассердился на мой бесстыжий, наглый взгляд?

– Подними голову, хатун! – где-то совсем рядом со мной прозвучала прекрасная музыка его голоса, сотканная из глубоких низких интонаций с властными короткими гласными. Он говорил, как искусный гипнотизер, который одним только голосом поработает целые народы.

Я медленно подняла голову и впиалась взглядом в его синие глаза. В них проскользнули интерес и легкое превосходство. Его взгляд говорил мне – «знаю, знаю, можешь ничего не объяснять. Еще ни одной женщине не удалось устоять перед силой моего магнетизма и природной сексуальностью».

– Хм... – прозвучал ответ моим мыслям.

Затем его рука опустила мой подбородок, и он, не оборачиваясь, пошел дальше, в объятия рыжей бестии Дэрьи Хатун.

В эту минуту я ее возненавидела.

«Су-у-учка!» – пронеслось у меня в голове, в то время как мои глаза провожали его широкую прямую спину.

Потом, словно обухом по темечку, в ушах зазвенело его короткое «хм». Что еще за «хм»? Это все, что я заслуживаю со своими огромными зелеными глазами, грудью четвертого размера и бархатной кожей?! Чертов падишах!

Я думать ни о чем другом не могла, кроме как поскорее забраться к нему в постель и хорошенько оттрахать. Уж наверняка местные одалиски, воспитанные в скромности и покорности мужчине, мне в подметки не годятся по части сексуальных утех.

И вновь меня как громом поразила очередная мысль – Лерка! Эта плутовка, заслужившая статус «уста» своими длинными ногами да красивым животом, будет сегодня танцевать для него!

Я занервничала, всеми силами пытаюсь согнать со своей шеи вторую жирную жабу по имени Зулейка.

Ну нет, подруга. Он мой!

Глава 10

Я старалась идти спокойно и медленно, но на мои ноги кто-то словно сапоги-скороходы надел. Они сами несли меня вперед. Сердце в груди колотилось, как у зайца, а на висках выступили капельки пота. Я вся словно собралась в единое целое, чтобы начать борьбу за свое счастье. Не знаю, судьба ли подстроила мне встречу с Ахмедом, или это случайность, но я больше не злилась на него и не хотела отвертеть ему голову. Напротив – мне хотелось обнять и расцеловать его в обе загорелые щеки.

Мне казалось, что после предательства Олега я нескоро смогу открыть кому бы то ни было свое сердце, что месяцами буду горевать об ушедшей любви и томно вздыхать, вспоминая наши редкие встречи. Но жизнь распорядилась иначе.

Слетев по лестнице на первый этаж, я чуть не упала в объятия Зейнаб-калфы.

– Куда несешься, хатун? Тебя что, ходить не учили? – она гневно сдвинула брови, пригвоздив меня своим зловещим взглядом к стене.

– Простите, Зейнаб-калфа. Арзу-калфа послала меня к Ле... Зулейке, помочь ей с приготовлениями к празднику.

– Ну так иди, чего стоишь?

– Слушаюсь.

Я слегка присела в реверансе и уже спокойным шагом пошла мимо обедающих джарийе. Девушки сидели вокруг низеньких круглых столов с деревянными мисками. Их недоверчивые взгляды прожигали мне спину. Некоторые начали перешептываться и провожать меня едва уловимыми смешками.

– Лекси! – услышала я знакомый голос гречанки.

Я обернулась и помахала ей рукой. Девушка воровато осмотрелась, и убедившись, что Зейнаб-калфа ушла наверх, встала из-за стола и подбежала ко мне. Она с любопытством смерила меня взглядом с головы до ног и приподняла в завистливой ухмылке уголки рта.

Ее простецкий наряд, состоящий из длинной льняной рубахи, бордовой жилетки и зеленых шаровар разительно контрастировал с моим. Дэрря Хатун передала мне весь гардероб своей покойной помощницы, который, за некоторым исключением, пришелся мне впору.

На мне была вышитая разноцветными нитями синяя рубаха из тонкого шелка, легкие, почти воздушные шифоновые шаровары и бархатная тубетейка.

Я, конечно, была бы не прочь нарядиться в дорогое платье – чтоб с золотой тесьмой да атласными вставками и широкими рукавами, как у Царевны Лебеди, но все же выглядела приличнее своих бывших подруг.

– Елена! – я натянута улыбнулась, памятуя о ее мечтах касательно падишаха.

– Вот же ты везучая. Сама Дэрря Хатун тебя заприметила, – с сарказмом заметила Елена, но тут же вновь улыбнулась и положила руку мне на плечо, – ну как она тебе? Говорят, что у нее изо рта воняет, как с помойки, а живот уже такой огромный, что никакие платья его скрыть не могут. Наш повар, Омар-ага, сказал, что она съедает по двадцать куропаток в день, а еще и пахлавы целый чан!

Я поморщилась – еще одна завистница. Простая джарийе, а все туда же метит – в постель к падишаху.

Я осмотрелась вокруг и поняла, что завистница тут вовсе не одна. Остальные девушки словно замерли, искоса бросая на нас недобрые взгляды и вслушиваясь в наш разговор. Нечего сказать – дружный женский коллективчик. Террариум, проще говоря.

– Омар-аге этому язык надо отрезать за такое вранье! – сказала я как можно громче, чтобы все услышали, – Дэрря Хатун прекрасна, как солнце! Она умна, красива, добра. Лучшую хозяйку и желать трудно! Да вот только не сильно ее в гареме любят, завидуют. Была

одна такая хатун, вздумала на ее месте оказаться, да в хамаме поскользнулась и темечком о мрамор стукнулась. Нет больше ее, а Дэрья Хатун есть.

Элена вытаращила на меня свои коровьи глаза, а сзади послышался тихий гул возмущенных «ахов» и «охов». То-то. Не суйтесь, куда не следует. Мне и без вас конкуренции хватает.

Я сделала пару шагов по направлению к комнатам уста, как вдруг Элена вновь подала голос:

– Смотри, как бы на месте этой бедняжки ты не оказалась! Дэрья Хатун опасная соперница.

Меня словно пронзили насквозь огромной сосулькой. Гречанка была права – эта рыжая bestия обид не прощает. У нее все – власть, деньги, положение, падишах. А у меня что? Только наполеоновские планы да диплом учителя физики.

Я поежилась, представляя, как какой-нибудь евнух накидывает мне ночью петлю на шею или толкает с каменной лестницы. Зрелище, честно говоря, малоприятное.

Я сделала над собой усилие и с натянутой улыбкой обернулась к своей недавней подруге, превратившейся в самую настоящую змею-завистницу.

– Когда-то и Дэрья Хатун была простой джарийе, не так ли? – я игриво приподняла бровь и усмехнулась, – да только ума у нее было побольше, чем у вас.

Элена повела плечами и скорчила в презрительной гримасе лицо.

– Это мы еще посмотрим! – она бросила мне эти слова, словно перчатку, вызывая на дуэль.

«Посмотрим!» – подумала я про себя и поспешила к Лерке. Любопытство снедало меня изнутри. Несмотря на мое внезапное помутнение разума от встречи с падишахом, я по-прежнему пребывала в неведении – какая сила нас сюда занесла, и можем ли мы как-то отсюда выбраться.

Про «выбраться» – это я уже так, на всякий случай, если разъяренная Дэрья Хатун или Элена какая-нибудь задумают меня со свету сжить. По доброй воле покидать это место, не вкусив сладких губ шаха Джахана, я уже не собиралась.

К подруге я вошла без стука. Комната уста была уютной, но весьма скромно обставленной – две одинаковые кровати, между ними высокое овальное зеркало в полный рост, возле маленького окошка с деревянными ставнями стоял низкий диван с двумя подушками. Напротив дивана располагался небольшой столик на трех кованых металлических ножках. В углу возле двери стояли два больших сундука с одеждой.

Лерка-Зулейка сидела на большой подушке возле высокого овального зеркала в фигурной раме и причесывала свои длинные черные волосы деревянным гребнем. Рядом с ней топталась ее соседка – Фатьма, высокая черкешенка с темно-русыми волосами и пухлыми губами, на которых волей-неволей останавливался взгляд. Она подавала Лерке на примерку различные диадемы и украшения, а моя подруга недовольно фырчала и возвращала их обратно.

– Тебе не угодить, Зулейка. Чего ты сегодня такая злая? Радоваться должна, вдруг падишах на тебя внимание обратит, – с придыханием сказала Фатьма, мечтательно всматриваясь в окно.

– Замолчи уже, и так тошно... – буркнула моя подруга и буквально вырвала у нее из рук очередное украшение для волос – заколку в форме бабочки.

– Привет! – радостно выпалила я, заставив их обеих обернуться на мой голос.

– Лекси! – лицо моей подруги мгновенно просветлело, – Ты что, сбежала от Дэрьи Хатун? Тебя накажут!

– Никуда я не сбежала, – я насупила лоб, – меня к тебе Арзу-калфа прислала, помочь со сборами.

– А-а-а... – пропела погрузневшая Лерка и тяжело вздохнула. – Фатъма, сходи в кладовую, принеси еще украшений. Эти мне не нравятся, – Лерка ласково погладила запястье своей соседки и бросила на нее умоляющий взгляд.

«Вот же подлиза!» – подумала я, наблюдая, как Фатъма проходит мимо меня к выходу, недовольно сдвинув брови.

Как только за Фатъмой закрылись тонкие деревянные двери, украшенные резным орнаментом, Лерка набросилась на меня с объятиями.

Она прижала меня к себе так сильно, что мне стало трудно дышать.

– Ну же, успокойся, дорогая! – Я гладила ее по голове и приговаривала: – Я тоже по тебе соскучилась.

– Лекси, мы с тобой в дурку попадем, когда вернемся! – сказала она, отстранившись. – Я сама глазам своим не верю! Похоже на сон. Только я еще не поняла – кошмар это или сказка.

– Давай сядем, и ты мне все расскажешь, пока Фатъма не вернулась, – предложила я.

– Угу, – кивнула Лерка.

Мы уселись на ее кровать – узкую, размером почти с лавку, но с настоящей периной, перьевой подушкой и приятным на ощупь хлопковым одеялом.

– Ты помнишь, как мы здесь оказались? – спросила я, ощущая, как внутри меня все начинает дрожать от волнения.

– Да разве такое забудешь! – выдала Лерка и схватила меня за руку. – До сих пор вспоминаю это, а по коже мурашки да холодок по спине. Сейчас бы пару бокалов «Rose», а лучше еще чего покрепче, ибо чувствую – крыша едет, катится себе по наклонной.

Подруга тяжело вздохнула и посмотрела мне в глаза:

– Короче. Ты помнишь, как этот раскрасавец Ахмед завел нас в пустыню? – Я кивнула. – Ну так вот. В какой-то момент ты перегрелась и рухнула в обморок прямо на горб верблюда. Я тогда кричала, как потерпевшая, требуя, чтобы он остановил животных и спустил нас на землю. Но ему хоть бы что, – на Леркином лбу появилась глубокая складка, – чертов араб!

Она на пару секунд отвернулась от меня и отдышалась, как будто только что подняла пару мешков с углем.

– Ну и? – не выдержала я.

– Ну и! Черт его знает, сколько мы еще так плелись, пока он не крикнул что-то на арабском и не остановил верблюдов. Я уж было обрадовалась, думала, он одумался и сейчас развернется назад, но не тут-то было. Мы постояли так еще несколько минут. Он как будто чего-то ждал – то смотрел на солнце, то вглядывался куда-то в даль.

– А ты что?

– А я продолжала орать, что он козел и что его посадят за решетку. И вот тут началось самое интересное. Если я это расскажу кому-нибудь из знакомых – мне без психиатра диагноз «шиза» поставят. Точно тебе говорю! – она покачала головой. – Вот представь, что с неба вдруг полилась не вода, а масло – подсолнечное или оливковое. Прямо ливень стеной! Только не водный, а масляный. Воздух как будто расплавился, загустел и начал дрожать. Я вытаращила на эту стену глаза и открыла рот, не понимая, что происходит, а Ахмед уселся в позу лотоса и довольно потирал ладоши.

– И? – я слушала ее, а мои брови ползли вверх от удивления.

– Через пару минут сквозь стену я увидела приближающихся всадников. Человек десять. Они остановились по ту сторону и смотрели на нас – все как один в тюрбанах, белых рубахах с черными жилетками, черных штанах и сапогах. А у главного – на голове не черный, а красный тюрбан с павлиньим пером. Прикинь?

Лерка как-то странно улыбнулась и выдавила из себя нервный смешок. Мне на память снова пришла сцена с Ульяной Андреевной.

– Павлинье перо? – я удивленно покачала головой.

– Ага. Весь такой важный, крепкий, глаза – черные! А взгляд – словно к стене прижимает и не отпускает! – В этот момент у нее самой глаза так загорелись, что я испугалась, как бы они в меня молнии не начали метать.

– А кто они такие?

– Бессмертные, личная охрана падишаха – это я уже здесь узнала. А в тот момент испугалась до жути. Ахмед что-то гаркнул, и верблюды прошли сквозь эту масляную стену. Я обернулась – а позади уже никого и ничего. Ни стены, ни Ахмеда. Все та же пустыня да отряд вооруженных до зубов арабов. И, что самое удивительное, как только этот главарь начал говорить, я поняла, что знаю персидский. Мне словно в мозг кто-то чип вставил со встроенным гугл-переводчиком!

Это мне было знакомо. Я после пробуждения тоже на персидском заговорила, как будто с рождения его знала.

– Вот-вот. И я так же – очнулась, и бац – говорю на персидском! – поддакнула я.

– Короче. Апполон этот заявил, что он Первиз-бей, главный в этом отряде и начальник какой-то охраны, а мы – дар его повелителю и он отвезет нас во дворец. Потом его люди сняли тебя и меня с верблюдов. Тебя, поскольку ты была в отключке, перекинули через спину лошади и привязали, чтоб не свалилась. А меня он усадил на своего коня и крепко-крепко прижал к себе. Боже, Лекси! Какой мужчина! Мы пока скакали, я чуть с ума не сошла от близости с ним! У меня сердце колотилось, как будто я с парашютом прыгнула и парю где-то в паре километров над землей. Я в ту минуту даже Ахмеда простила. Думать ни о чем больше не могла, кроме как повернуться и поцеловать его, да так, чтоб маму родную забыл! Влюбилась, как дурочка шестнадцатилетняя.

Лерка подняла на меня свои влажные глаза и заморгала, прогоняя слезинки. А я смотрела на нее, открыв от удивления рот.

– А дальше-то что?

– А дальше нас привезли в этот дворец и передали в руки хазнедар. Тебя сразу в лазарет местный отнесли, а меня в хамам отправили – отмывать. Тогда-то я и начала сомневаться, что на дворе двадцать первый век. Ни тебе водопровода, ни электричества, наряды у всех странные, порядки средневековые. А потом взяла да и спросила у евнуха – какое сегодня число. Лучше бы и не спрашивала.

Я слушала свою подругу и чувствовала себя персонажем какого-нибудь фантастического фильма.

– А сбежала ты зачем?

– Как зачем? Я ж не дура, поняла, куда попала – в гарем. А на кой мне гарем, если я в Первиза этого втрескалась по уши? Хотела найти его да уговорить вместе бежать отсюда обратно, сквозь стену эту. А евнух, чтоб его, поймал меня да в общий зал приволок... Ну, а дальше ты все знаешь.

Подруга замолчала и склонила голову. У меня в голове не укладывались ее слова о масляной стене, временном портале, вооруженных арабах и растворившемся в пустыне Ахмеди.

– И как же теперь ты будешь танцевать для повелителя? А если он на тебя внимание обратит и прикажет привести в свои покои?

– Помоги мне, пожалуйста! Я не хочу в его покои! – почти закричала моя подруга и соскользнула с кровати, упав передо мной на колени.

Я замерла, не зная, что и сказать.

– Встань, мы что-нибудь придумаем, – я погладила ее по голове и быстро поцеловала в макушку, – потому что в его покои очень хочу я.

Глава 11

Мы с Леркой зашли в небольшой зал с высоким полукруглым потолком, в центре которого было небольшое окно, сквозь которое в комнату лился пышный столп солнечного света – как от прожектора или мощного фонаря.

Стены помещения были расписаны фресками на тему гаремной жизни, а понизу тянулась полоска синей мозаичной плитки.

У западной стены расположились две женщины. У одной в руках был уже знакомый мне сантур, а перед второй стоял огромный деревянный кубок, украшенный резьбой и покрытый чем-то похожим на кожу.

В центре зала стояла Зейнаб-калфа и, как всегда, недовольно покрикивала: «Быстро-быстро!»

Я наклонилась к Леркиному уху:

– Что это за деревянный кубок? Барабан?

– Да, томбак называется.

– Ты теперь эксперт по гаремным премудростям, – я слегка толкнула ее локтем в бок и улыбнулась.

– Да уж, – ответила мне подруга, – станешь тут экспертом, когда с утра до ночи какие-то занятия. Хуже, чем в школе. Там хоть перемены были.

Вместе с нами в комнате находились еще четыре девушки, отобранные хазнедар для вечера, – одна другой краше, в шелковых летящих шароварах, атласных топах с широкими шифоновыми рукавами, волосы длинные, глаза блестят, как у пьяных.

«Да уж, – подумала я, – конкуренция жесткая, прямо отбор на конкурс красоты».

– А эта здесь что забыла? – Зейнаб-калфа бросила на меня сердитый взгляд.

– Так Арзу-калфа приказала Зулейке помогать, – начала я оправдываться, виновато опустив голову.

– Ты ей танцевать будешь помогать, дурная твоя голова? Иди давай к своей госпоже, да не путайся под ногами! – ее тон был жесткий и категоричный.

«Ну все! – пронеслось в голове. – Плана «Б» нет, это провал». И тут Лерка подмигнула мне и резко переменялась в лице.

– Серьги забыла! – воскликнула она таким тоном, словно только что опоздала на последний поезд. – Зейнаб-калфа, я мигом – туда и обратно!

– Какие еще серьги? – та вскинула брови. – А мы тебя все ждуть, что ли, будем?

– Хазнедар не велит без украшений танцевать. Говорит, что без украшений женщина падишаха – все равно что обычная простолюдинка.

Лерка поджала губки и смотрела на Зейнаб-калфу, как кот на Шрека, – жалобно, наивно, – ни дать ни взять – актриса!

– Хорошо, иди, – сжалилась наша надзирательница.

Лерка подмигнула мне и побежала к двери. Уже в самом проходе как бы ненароком зацепила мыском деревянный плинтус и распласталась на каменном полу коридора, охая и ахая.

– Вот же растяпа! И чего только земля тебя не держит! – запричитала калфа и бросилась поднимать мою подругу.

Я решила не упускать своего шанса и побежала следом.

– Вот как ты теперь танцевать будешь? – сетовала грозная наставница, качая головой и ощупывая Леркину лодыжку.

– Вывихнула, похоже, – чуть не плача ответила подруга, бросая на меня игривые взгляды.

– Зейнаб-калфа, ее в лазарет надо! Сильный вывих! – начала я подыгрывать Лерке.

– А кто танцевать вместо нее будет? – подняла она на меня свой орлиный взгляд.

– Я могу! – выпалила я, сжавшись в комок от волнения.

– Куда тебе? Ты даже не умеешь!

– Еще как умею, я в школе балета занималась, – выдала я факт из своей биографии и тут же прикусила себя за язык.

– Чего ты окончила? – вытаращилась на меня Зейнаб-калфа, а Лерка закатила глаза и покрутила указательным пальцем у виска – мол, ну и идиотка ты, Лекси.

– Это у нас на Руси есть такое место, где девушек учат красиво танцевать, – начала несвязно лепетать моя подруга, пытаюсь спасти положение.

– Да? Впервые такое слышу. Сколько русинок было – ни одна не умела.

– А его недавно открыли, в прошлом году, – добавила я, заливаясь краской со стыда.

У моего поезда под названием «Полнейшая чушь» отказали тормоза. Я несла такую ересь, что у самой уши сворачивались и в трубочку закатывались. Оставалось только верить, что эта мегера не семи пядей во лбу и не отправит меня за такое вранье на фалаку.

– Хм... – выдала Зейнаб-калфа, рассматривая меня сверху донизу, точно корову на рынке.

– Ладно. Позови Масуд-агу, чтобы помог мне ее в лазарет отнести, а потом иди к девушкам, репетируй.

Я кивнула и побежала в сторону кухни, где обычно околачивался этот хитрый проходимец-евнух, и уже краем уха услышала, как она причитает, пытаюсь поднять Лерку с пола:

– Не сносить мне головы, убьет или Дэрья Хатун или хазнедар. Первая – за то, что ее служанку опять повелителю подкладываю, а вторая – что неопытную джарийе танцевать для падишаха отправила. О, горе мне, горе!

– Не бухти, старая стерва, – прошептала я, – мы еще посмотрим, кто кого.

На кухне кипела работа – главный повар Омар-ага, грозно сдвинув брови, прикрикивал на своих помощников, чтобы они поторапливались да соль добавлять в еду не забывали.

Трое поваров носились по комнате, словно их кто в зад ужалил – постоянно задевая корзины с провиантом и натыкаясь друг на друга.

В помещении было нестерпимо жарко от раскаленной печи, в которой поднимались и румянились нежнейшие лепешки. Я облизнулась, представляя, как тесто тает во рту, оставляя на языке едва уловимое солоноватое послевкусие.

Как я и предполагала, этот проныра Масуд-ага был здесь и крутился возле чана с ароматным пловом с курагой и изюмом, как кот у миски с молоком. Я повела носом, улавливая аппетитные запахи, как радар. Под ложечкой противно засосало. Я бы сейчас тоже не отказалась от тарелочки чего-нибудь горячего. К тому же, как на грех, с рынка подвезли свежие фрукты, которые в плетеных корзинах стояли прямо на полу, источая сладость. Но прохладиться было некогда.

– Масуд-ага, иди скорее в танцевальный класс, там Зулейка упала и ногу подвернула. В лазарет ее надо! – затараторила я, подперев руками бока для важности.

– Что такое ты говоришь, несчастная?! Валиде приказала сегодня именно Зулейку к падишаху вести!

О аллах, аллах! – запричитал Масуд-ага и пулей выскочил в коридор, оставив меня стоять с открытым ртом.

Ничего себе – у гаремных мегер во главе с Наргес Хатун сегодня будет жаркий вечерок. Влетит им по первое число. А Лерку чудом пронесло. Или мне чудом повезло. Поди теперь разберись.

Я окинула кухню любопытным взглядом, присматривая – что бы закинуть себе в рот, и остановила свой выбор на ярко-желтом персике, который одиноко и призывно лежал поверх горы яблок в широкой плетеной корзине.

– Омар-ага, а для кого эти фрукты? – спросила я, не отрывая от аппетитного фрукта взгляда.

– Эти для валиде и фаворитки. Дэрья Хатун уж больно персики любит. Целая телега во дворе еще не разобрана по корзинам. А один вот упал, да повара его к яблокам подложили.

– Так я отнесу его госпоже? Скажу – Омар-ага вам свое почтение шлет! – спросила я, хитро прищутив глаз.

– Ай-ай, умно придумала! Бери скорее да неси! – грузный мужчина в заляпанной овощами и маслом рубахе на удивление быстро подбежал к корзине, подхватил персик и обтер его полотенцем со своего плеча.

Я получила в раскрытые ладони этот желанный плод и поспешила в коридор, в первом же закоулке которого и уничтожила сей дар, не испытывая абсолютно никаких угрызений совести.

От Дэрьи Хатун не убудет. А мне подкрепиться совсем не помешает, не дай бог еще рухну в обморок от волнения и голода прямо во время танца.

Кстати о танце – я все еще не придумала, как поразить падишаха, потому как школа балета и ночные клубы не подготовили меня к подобного рода представлениям.

Шестеренки в моей голове работали с невероятной скоростью, воспроизводя в памяти все индийские и турецкие сериалы, которые я видела. Эдакий ускоренный курс восточных танцев.

Что ж, надеюсь, я сдам этот экзамен. Пересдача здесь не предусмотрена.

Глава 12

Когда я вернулась в танцевальный класс, мои соперницы уже извивались под экзотические ритмы Востока – каждая из кожи вон лезла, чтобы затмить конкурентку. Одна трясла бедрами, вторая изгибалась, как змея, выпячивая грудь, третья виляла попой и при этом то и дело закидывала голову назад, приподнимая руками свои шикарные темно-русые волосы, четвертая же выделявала животом такие вещи, от которых дух захватывало.

«М-да, – подумалось мне, – куда уж тут мне с моими балетными па».

– Где ты ходишь? – накинулась на меня Зейнаб-калфа. – Уже пора идти, а ты только явилась! Некогда теперь репетировать, все прогуляла. Ох, не сносить мне головы! Все из-за этой растяпы Зулейки.

О, аллах, аллах! Что же я валиде скажу?

Она как-то жалобно выдохнула, затем вышла в коридор, оставив меня в недоумении.

– Сидела бы ты лучше да ступни госпоже массировала, джарийе! – прошипела мне высокая шатенка, которая искусно трясла задницей под ритмы томбака. Последнее слово она произнесла так, словно выплюнула муху, случайно залетевшую ей в рот – с отвращением и нервной дрожью. Казалось, ее вот-вот вырвет от одного только моего вида.

Остальные презрительно прищурили глаза и тихонько засмеялись, перешептываясь между собой.

– Что за веселье? Или вам кто шербет преподнес? Ишь, устроили тут балаган! – рявкнула неожиданно появившаяся в дверях калфа, в руках у которой я увидела что-то вроде отреза ткани. – На вот, переодевайся. Да пошустрее. Масуд-ага уже пришел за вами. – Она протянула мне аккуратно сложенный сверток материи.

Я забилась в дальний угол комнаты и, зажмурившись от стыда, быстро скинула с себя одежду. Увы, но о белье в нашем понимании здесь ничего еще не знали, так что я предстала перед своими соперницами обнаженной, ибо хлопковые панталоны тоже пришлось снять, чтоб из-под «концертного костюма» не выступали.

Зейнаб-калфа принесла для меня шелковые шаровары нежного мятного цвета и золотистый атласный топ с шифоновыми рукавами, украшенными яркими шелковыми лентами сиреневого цвета.

На обеих штанинах моих шаровар зияли огромные прорезы – от бедра до щиколотки, подвязанные тонкими тесемочками.

– Ну все! Хватит уже прихорашиваться! – Масуд-ага подошел ко мне и начал легонько подталкивать в спину к выходу. – Идите быстрее, вас еще причесать да накрасить нужно!

Нас завели в какую-то кладовку, где в ряд стояли несколько зеркал и мягких пуфов. На многочисленных полках были разложены баночки, мензурки, кисточки из конского хвоста, тонкие лучины с обгоревшими острыми концами, а у стены располагался сундук коричневого дерева с открытой крышкой. Я посмотрела на его содержимое и ахнула – заколки, броши, ожерелья, браслеты, диадемы и ободки, – все это переливалось в свете факелов, ослепляя и завораживая.

Меня усадили на один из пуфов, и юркая девушка в длинном халате из зеленой тафты, с черной тюбетейкой на голове, говорившей о ее принадлежности к прислуге, принялась разукрашивать меня, как новогоднюю елку.

Она растерла в руках маленький кусочек воска и начала тщательно причесывать мои выющиеся локоны металлическим гребнем, приглаживая выбивающиеся из прядей волоски второй рукой. В результате через десять минут моя непослушная шевелюра была уложена, как в лучших салонах родного Краснодара.

Девушка подвела мне глаза обгоревшей лучиной, в рот положила кусочек отварной свеклы и приказала пожевать и смочить соком губы.

В завершение мне на голову надели диадему в форме извивающейся змеи с агатами и жемчугом. Один из камней, словно капля крови, свисал мне на лоб, делая меня похожей на индийскую принцессу.

Я смотрела на себя в зеркало и не могла сдержать улыбки – вид был просто потрясающий. Кроваво-алые губы прекрасно сочетались с красными агатами на голове, а подведенные угольными стрелками глаза стали ярче и выразительнее.

Я поправила рукой золотистый локон на плече и, довольная собой, встала с пуфа.

Через несколько минут приготовления закончили и остальные девушки, которые теперь смотрели на меня с опаской.

– Ну же, скорее! Нельзя заставлять падишаха ждать, – заторопился евнух, зазывая нас из коридора.

Мы прошли гуськом по нескольким узким коридорам, затем по широкому двору под открытым небом, в центре которого стояла мраморная чаша с цветами, и в итоге замерли перед широкой деревянной дверью. Вход в зал, из которого лились страстные звуки музыки и задорный мужской и женский смех, охраняли два телохранителя в красных кафтанах, а рядом с ними стоял высокий и важный мужчина с красным тюрбаном на голове, по центру которого красовалось павлинье перо.

«Так вот ты какой, Первиз-бей», – подумала я, рассматривая Леркину любовь с головы до ног. Мужчина и впрямь был хорош собой, но вот от его орлиного взгляда бросало в дрожь. Не знаю, что там увидела Лерка, а мне стало по-настоящему страшно.

Он посмотрел на меня, а затем слегка приподнял в улыбке уголки рта.

– Хорошо, что вы не бунтуете, – сказал он мне, намекая на деликатные обстоятельства нашей встречи.

Этот знатный красавец наверняка знал что-то важное и про Ахмеда, и про масляную стену, можно было не сомневаться. Надо только выбрать время да расспросить его обо всем. Но без Лерки тут я точно сама не справлюсь. Просто так Первиз-бей ничего не выложит – крепкий орешек. Тут или напоить, или в постель затащить. Напоить не выйдет, так как нельзя ему, а вот на Леркину удочку может и клюнет.

– А у нас есть выбор, господин? – ответила ему я, присев в реверансе.

– Нет, – отрезал глава шахской охраны и открыл перед нами двери.

Громкая музыка вырвалась наружу, оглушив меня, словно резкий порыв ветра. Я увидела перед собой большой зал с высокими балочными потолками и каменным балконом, опоясывающим комнату, на полу лежал огромный ковер с изображением льва, за спиной которого восходит солнце. Напротив входа стоял позолоченный (а может, и золотой) шахский трон, на котором в легкой белой рубаше нараспашку и черных штанах свободного кроя восседал сам падишах Джахан Великолепный. Сквозь ворот его рубахи наружу выбивалась густая мужская растительность, а под тонкой тканью вырисовывались сильные мускулистые плечи.

С правой от него стороны на мягких подушках сидели две женщины. Первая – еще довольно молодая, статная, с высокой короной на голове, которую венчал сапфир размером с перепелиное яйцо. Наряд этой особы поражал воображение. Ее все еще великолепную фигуру подчеркивало муслиновое платье ярко-синего цвета, вышитое золотыми нитками и украшенное по краям драгоценными камнями и жемчугом. Ее руки утопали в перстнях и браслетах, а на шее висело роскошное золотое кольцо с изумрудами.

«Вот уже где настоящая новогодняя елка – так это здесь, – подумала я. – Наверное, это и есть валиде».

Вторая – красивая темноволосая девушка, возможно, младше меня на пару лет. Ее горделивая осанка выдавала королевское происхождение, но лицо было открытым и светлым. Одета она была куда скромнее своей расфуфыренной соседки – в атласное платье зеленого цвета с золотой парчовой вставкой на груди. На ее голове красовалась подвеска из серебряной цепочки и маленького аметиста, который свисал на лоб. Кем она доводилась повелителю, я не знала.

На балконе располагались музыканты с сантурами, томбаками и бубнами, а внизу несколько девушек постоянно подносили царским особам подносы с напитками, фруктами и восточными сладостями.

– Заходите, чего встали? – шикнул на нас Масуд-ага, вновь подталкивая меня вперед.

Я сделала первый робкий шаг внутрь и совершенно случайно наступила ногой на развязавшуюся тесемку от шаровар. Через секунду я уже летела носом на пол, проклиная судьбу-злодейку и портниху, которая придумала эти завязки.

Музыка стихла, и перед моими глазами возникли кожаные тапочки с закругленными мысами, как у Аладдина.

– О аллах! Повелитель, простите эту неопытную рабыню! – испуганным голосом затараторил Масуд-ага где-то рядом с моим ухом.

– Ничего, Масуд-ага, оставь.

О боже! Я вновь слышу этот магический голос!

Неожиданно его горячая рука коснулась моего предплечья, и Джахан потянул меня вверх.

– Ну же, хатун, вставай, не бойся.

Я подняла голову и посмотрела прямо в его синие глаза, вкладывая в свой взгляд любовное послание такой силы, на какую только была способна. В ответ его зрачки расширились, вспыхнув, как от огня.

Я медленно встала и опустила голову.

– Простите меня, повелитель. Я такая неловкая.

Я не увидела, но почувствовала его улыбку. В комнате как будто стало теплее, а на душе спокойнее. Уголки моих губ сами потянулись вверх, отвечая на его улыбку.

Через секунду к моим ногам упал синий шелковый платок с вышитым в углу шахским гербом. Я не знала значения этого жеста и поэтому продолжала стоять как истукан и пялиться в пол.

– Поднимай скорее, глупая джарийе! Повелитель тебя выбрал! – заметно нервничающий Масуд-ага больно ткнул меня пальцами между ребер.

Я быстро наклонилась, подобрала платок и прижала его к груди. Нежная ткань хранила тепло и аромат владельца. Я с наслаждением прикрыла глаза, не веря своему счастью, а затем, прежде чем выйти обратно в коридор, посмотрела в лицо вернувшемуся на свой трон шаху и одарила его своей фирменной сексуальной улыбкой.

Он сощурил глаза и приподнял бровь, а затем резко отвернулся от меня и залпом осушил серебряный бокал с шербетом.

– Да иди же ты, выходи уже! – евнух потянул меня за рукав, и я подалась назад.

И только когда за мной закрылись тяжелые двери, я поняла, что только что произошло. В моих руках был самый настоящий ключик к счастью.

Глава 13

– О аллах! Угораздило же! – жалобно причитал Масуд-ага, быстрыми мелкими шажками передвигаясь по коридорам в сторону гарема.

– Масуд-ага, что теперь будет? – спросила я, едва поспевая за шустрым евнухом.

– Что будет? Ой что будет! – он обхватил голову ладонями и удрученно покачал ею.

– Я сделала что-то не так?

– Молчи, хатун! Не сносить теперь тебе головы! – он резко остановился, так что я чуть не налетела на него, обернулся и поднял вверх указательный палец, – прознает Дэрья Хатун – смерть, валиде – смерть, хазнедар... – тут он задумался, – ну, она, вполне возможно, обойдется фалакой.

Я вытаращила на него глаза, не понимая, с чего это вдруг все захотят моей смерти. Ну, допустим, фаворитка – та действительно озверевает. А остальным-то с какой стати меня ненавидеть?

– Да за что? – воскликнула я.

– Ох, глупая, несчастная джарийе! Дэрья Хатун – от ревности к пылинкам на сапогах падишаха с ума сходит, а тут такая красавица! – Услышав комплимент, я расплылась в улыбке. – Чего улыбаешься? Лучше б ты была страшная, как верблюд! Жила бы себе спокойно, спала на перинке да в саду гуляла с госпожой.

– А она и не узнает, зачем ей знать? Пусть спит себе спокойно, – предложила я, подмигнув ему, как заправский заговорщик.

– О! Эта узнает! От нее разве скроешься? У каждой стены ее уши, у каждой двери ее глаза. Такая... – Масуд-ага, изо рта которого чуть было не вырвалось непристойное ругательство, поспешил прикрыть рукой рот. – А валиде другую девушку для повелителя выбрала – Зулейку твою. Не простит, что ослушались, и тебе достанется.

Ну ничего себе! Лерка, оказывается, котируется не в пример мне. Аж обидно стало.

– И что же нам делать?

– Врать, – ответил он мне без тени стыда и уже шепотом добавил: – О аллах, аллах...

Евнух смотрел на меня, не моргая, словно ожидал какой-то особенной реакции. Его масляные, медового цвета глаза прищурились, а уголки рта подергивались, как при нервном тике. Он явно чего-то хотел. В свете горящих факелов, треск от которых нарушал коридорную тишину, его лицо приобрело какое-то зловещее выражение – как у пирата или разбойника с большой дороги. Али-Баба – ни дать ни взять.

– Ага, скажи прямо, что ты хочешь? – спросила я, не выдержав его пристального взгляда.

– Бакшиш, – сказал он и тут же осмотрелся вокруг, проверяя – не слышит ли нас кто посторонний.

– Это еще что такое?

Масуд-ага широко оскалился и начал теребить пальцы, как будто отсчитывает купюры.

– А-а-а, магарыч! – дошло до меня.

– Тише ты, дурная! Что еще за грязные словечки?! У татар набралась? – Он воровато осмотрелся и приблизился ко мне вплотную: – После ночи падишах тебя золотом да драгоценностями осыпает будет, вот и поделишься с несчастным Масуд-агой.

Вот же корыстная скотина! Лишь бы кусок урвать. Я недовольно сморщилась.

– Ну а что я получу взамен?

– Пойдем, сейчас узнаешь.

Мужчина (ну, или то, что от него осталось) развернулся и вновь быстро-быстро засеменил в сторону гарема. Когда мы подошли к дверям покоев Дэрри Хатун, я схватила его за рукав и едва не повалила на пол.

– Ты чего, ага? Совсем голову потерял? Сдать меня госпоже хочешь? Вот она какая – твоя помощь?! – я смотрела на него испепеляющим взглядом, а внутри все дрожало и сжималось от страха.

– Пусти, бестолковая! А то и правда расскажу! – огрызнулся он и резким движением вырвал руку.

Я зажмурилась и закрыла глаза. Будь что будет. Масуд-ага тем временем легонько постучал в резную узкую дверь и, выждав немного, открыл ее.

– Заходи, – прошипел он мне и тут же надел на лицо маску любезности и подобострастия.

– Госпожа! Доброго вам вечера! – запел он, расшаркиваясь перед сидящей на диване и опухшей от слез фавориткой.

Ее волосы были растрепаны и спутаны, глаза и нос покраснели, в дрожащих руках она сжимала белый хлопковый платок, а из одежды на ней была только ночная атласная рубаха да широкий халат из зеленой тафты. Вид – совсем не подобающий женщине ее положения.

– А, вот и ты! – она вскочила с дивана и посмотрела на меня так, точно уже приговорила к смерти. – Где тебя шайтан весь день носит? Бесстыжая! Я тебя за калфой послала, а ты решила себе выходной устроить?! – ее голос сорвался на визг, а глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит от злости.

Я вся сжалась в комок от ужаса и медленно попятилась к двери. В ушах от ее визга зазвенело – точно возле моей головы надоедливый комар решил выписывать круги, пронзая воздух своим ужасным писком.

– Госпожа! Бедняжка не виновата! – Масуд-ага подошел к ней поближе и склонился почти вполчину. – Это мы с Зейнаб-калфой ее задержали по приказу хазнедар. Ее подруга – русинка Зулейка упала да ногу сломала. Вот она с ней весь день и мается в лазарете.

Если уж не врать, то привирать этот евнух умел. Я тайком ухмыльнулась, спрятавшись в тень от его спины.

– Ах, вот оно что. Я надеюсь, она быстро поправится? Жаль, что сегодня ей не довелось танцевать для повелителя. Такой шанс упустила! Кто знает – будет ли еще...

Лицо Дэрри Хатун сразу просветлело, а в глазах появилось неприкрытое злорадство.

– Что вы, госпожа! Бедняжка еще долго не то что танцевать, а и ходить не сможет. Так ей плохо, так больно! Вот хазнедар и велела передать вам свою просьбу – отпустите служанку на ночь в лазарет за подругой присмотреть, лекарша одна не справляется.

«Хитро придумал», – подумала я про себя, поражаясь ловкости и изворотливости его вранья. Видать, не впервой ему басни для фавориток сочинять.

– Пусть идет, – уже спокойным тоном ответила она, – мне теперь все равно помощница не нужна. Не к чему больше наряжаться да прихорашиваться, когда сама валиде приказывает забыть повелителя. А разве виновата я, что никак не понесу от него? Еще не все потеряно, я молюсь! О аллах, аллах...

Она обреченно опустила на диван, прикрыла опухшее лицо руками и вновь тихонько заплакала.

Вот оно что, сама валиде ей от ворот поворот дала. Да еще и в такой унижительной формулировке. Я бы тоже, наверное, истерила. Мне даже стало жаль эту красивую молодую женщину, которую записали в старые девы. Неужели Джахан такой же бессердечный, как его мать, раз позволяет ей распоряжаться своей личной жизнью? Или это она по его приказу сделала?

Голова от этих мыслей пошла кругом. Это вам не книги читать да сериалы про Роксолану смотреть – вот он, настоящий гарем, жестокий и беспощадный.

Я задумалась и не заметила, как Масуд-ага проскользнул мимо меня к выходу. Он подхватил меня под локоть и прошептал на ухо:

– Пошли, пока не передумала. А то не избежать нам беды.

Я едва заметно кивнула ему и, бросив полный жалости взгляд на рыдающую фаворитку, быстро выскочила за дверь.

Глава 14

В огромной комнате джарийе, через которую лежал мой путь в хамам, стоял тихий гул. Девушки, сбившись в кучки, обсуждали последние новости – неизвестно отчего рыдающую Дэрю Хатун и так некстати упавшую Зулейку, которая теперь лишилась шанса попасть к повелителю.

Заприметив меня под руку с Масуд-агой, они притихли и уставились на нас, как на что-то сверхъестественное.

– Они меня ненавидят, – прошептала я, стараясь не менять ровного выражения лица.

– Пока только завидуют твоему положению служанки госпожи. Но вот если узнают, куда ты сейчас идешь, – тогда к зависти добавится ненависть, можешь не сомневаться, – ответил мне Масуд-ага, едва шевеля губами, – запомни: у тебя здесь нет друзей! Да и я буду помогать тебе до тех пор, пока в моих карманах будет звенеть золото, – продолжил он свои нравоучения.

– Не сомневалась в твоей преданности, ага, – я скривила рот в ухмылке.

Мы уже почти подошли к дверям, ведущим в коридор, как меня окликнула Фатма, соседка Лерки по комнате.

– Это все из-за тебя! Как ты появилась – у Зулейки начались неприятности, – крикнула она мне вдогонку, – не видать ей теперь падишаха и его милости. Тебе это даром не пройдет, ведьма!

В зале повисла мертвая тишина. Я слышала, как колотится мое сердце, пропуская удары и подпрыгивая до самого горла. Воздух был пропитан ядом, а между девушками и мной точно выросла стена. Евнух был прав – здесь не то что преданной подружки, даже просто порядочной служанки не найти. Каждый сам за себя.

– А ну-ка, все по своим местам! Чего тут расселись, как курицы на насесте? И кудахчут, и кудахчут! – Масуд-ага подпер руками бока и начал махать локтями, изображая крылья. – А ты, Фатма, лучше иди к себе в комнату да молись, чтобы твоя подружка поправилась, вместо того, чтобы сеять раздор да гневить Аллаха!

Девушка блеснула глазами и горделивой походкой направилась в свою комнату. Мы вышли за дверь, а за нашими спинами продолжали шипеть самые настоящие змеи.

– Не бери в голову. Слушай меня и Арзу-калфу, не делай глупостей, благодари за верную службу – вот и горя не узнаешь.

Мы подошли к дверям, ведущим в хамам, возле которых, как часовой, стояла Арзу-калфа. Увидев меня, она улыбнулась.

– Иди, девочка. Ничего не бойся. Хорошенько попарься, вымой волосы, а мы тебя здесь подождем – муха не пролетит.

Я кивнула и улыбнулась ей в ответ, а затем быстро прошмыгнула в приоткрытую дверь, из-за которой тянулась широкая лента теплого пара.

Баня в этот вечер предстала для меня совсем в ином свете, нежели раньше. Если раньше я считала это место разве что не раем, но чем-то очень похожим, то теперь мне думалось – это идеальное место для убийства конкурентки. Поскользнулась на мыльной воде, нечаянно обожглась кипятком, не заметила, как из-за угла накинута удавка на шею, – мой мозг лихорадочно рисовал возможные варианты моего собственного умерщвления.

Я поежилась, мысленно приказав себе успокоиться.

Никогда раньше я не мылась с такой скоростью. Пропустив этап возлежания на горячем камне, я просто намылила волосы и тело и два раза сполоснула себя водой из мраморной раковины.

Заматавшись в льняную простыню, я высунула наружу нос.

– Можно выходить? – спросила я, смахивая с носа капельку воды, которая упала с челки.

– Давай, быстро!

Арзу-калфа бросила мне под ноги легкие кожаные тапки, в которые я сразу же засунула свои мокрые ступни.

Озираясь, как беглецы из тюрьмы Азкабана, мы добрались до уже известной мне «гримерки». И только закрыв дверь изнутри на засов, Арзу-калфа и Масуд-ага расслабились.

– Масуд-ага, надеюсь, нас не видел никто из людей валиде, иншааллах, – проговорила она, опускаясь на мягкий пуф.

– Иншааллах, Арзу-калфа, иншааллах...

«Ничего себе – прямо секретная операция ФСБ», – подумала я, располагаясь перед небольшим зеркалом. Главное, чтобы теперь на территории дворца не начал высадку вражеский десант.

Все та же миниатюрная, с болезненной худобой, проворная девушка принялась наводить на моем лице и волосах красоту.

– Это Шади, – сообщил мне евнух, – будь с ней поласковой да благодарить не забывай, и ни один муравей во дворце не прознает, что ты здесь была.

Как только с макияжем и прической было покончено, калфа встала с пуфа и взяла с одной из настенных полок аккуратно сложенный наряд – великолепное белое атласное платье с укороченным передом и длинным шлейфом, вышитое серебряными нитями и с шифоновыми вставками на широкой юбке. Узор на платье поражал взор – высокие лилии точно стремились к небу, покорно склоняя свои бутоны на моей груди. А широкие, воздушные рукава были перевязаны тонкими алыми лентами из тафты. К платью полагались шаровары в тон.

Я крутилась перед зеркалом, как маленькая девчонка, которой на день рождения подали платье восточной принцессы.

Шади уложила мои волосы набок, выпустив с обеих сторон по выющемуся локону, а на голову надела прелестную диадему из серебра с фианитами и крупным агатом на центральном зубце.

– погоди, мне кажется – вот это будет кстати, – ко мне подошла Арзу-калфа и обернула мою талию тоненькой серебряной цепочкой, на концах которой алели все те же агаты.

– О солнце! Нет в тебе больше нужды, покорись же яркости этого нового светила! – запел Масуд-ага, широким жестом разведя руки в стороны. – О луна! Скройся за тучами, смутись красотой новой звезды гарема Джахана Великолепного!

У меня от неожиданности отвисла челюсть. Оказывается, хитрый евнух спец не только по части вранья, но и в вопросах неприкрытой лести.

– Все! Идем! Пора! – скомандовала калфа.

Масуд-ага первым выглянул за дверь и, убедившись, что там никого нет, жестом помянул нас за собой.

Второй раз за день я проделывала этот путь из женской половины дворца, через широкий внутренний дворик под звездным небом к заветным дверям личных покоев падишаха.

Предвкушение близости с этим мужчиной сжигало все мое существо. Каждая клеточка вибрировала от волнения и восторга. По коже туда-сюда носились бесчисленные полчища мурашек, а в животе несколько беззаботных бархатниц щекотали своими крыльями мои внутренности.

– Зайдешь – голову склони, присядь, – поучал меня евнух, – повелитель тебя позовет – ты подойди, поцелуй ему руку. Без его разрешения головы не поднимай. И главное – не бойся. Да не осрамись.

О аллах!

Вот еще – учить меня вздумал, как с мужиком себя вести. Я повела плечами, отгоняя его прочь, как назойливую муху.

Наконец мы остановились перед широкой двухстворчатой дверью. Вход в нее, как и в трапезную, охраняли двое мужчин в высоких войлочных колпаках и красных кафтанах. Но не успели мы и слова сказать, как с другого конца коридора послышались тяжелые быстрые шаги. Я посмотрела в сторону источника шума и увидела приближающегося Первиз-бея.

– Масуд-ага, Арзу-калфа. Вы идите. Я сам девушку провожу, – сказал он тоном, не терпящим возражений, едва приблизился к нам.

Мои сопровождающие стушевались и покорно исчезли из поля зрения. А начальник шахской охраны подхватил меня под локоть и отвел в сторонку.

– Я надеюсь, ты понимаешь, что, если войдешь в эти двери, назад пути нет? – Его выразительные хищные глаза прищурились, пронзая меня насквозь.

– О чем вы, господин? – попыталась я прикинуться дурочкой.

– О стене и пастухе, который в качестве дани приводит нам новых рабынь.

А, значит, мы дань. Что-то вроде жертвы дракону, чтоб всю деревню не спалил. Ясно. Не так уж плохо, ведь в качестве жертв, согласно преданию, всегда выбирали самых красивых девушек.

– А мне и здесь неплохо, – выдала я, стуча от страха зубами.

– У нас уже была одна девушка, которая полюбила повелителя, а потом сбежала. Такое не должно повториться. Надумаешь бежать... – в этом месте он многозначительно провел пальцем по горлу, заставив меня сглотнуть от ужаса.

– Не надумаю! – проблеяла я, уставившись на него испуганными глазами.

– Хорошо... – он отступил на пару шагов, а я смогла глубоко вздохнуть, – и подругу свою угомони.

– Лерку? – спросила я, моргая быстро-быстро, как заправская идиотка.

– Что за имена? – он презрительно поморщился. – Да, ее.

– Хорошо.

Его красный тюрбан в свете факелов показался мне пропитанным кровью. Этот человек умел наводить ужас. И только он один знал тайну нашего путешествия во времени. Лучше мне с ним не ссориться. Да и бежать я не собираюсь. Не к кому. Родители погибли в аварии, бабушек-дедушек давно нет, а Олег меня предал. А вот за Леркой – глаз да глаз.

– Ну, иди, чего встала?

Я молча кивнула и подошла к двери. Охранники, не поднимая головы, распахнули передо мной дверные створки, и перед моими глазами возникла иллюстрация из сказки «Тысяча и одна ночь». В центре комнаты спиной ко мне стоял высокий статный мужчина в синем бархатном халате, справа от него – огромная кровать с высоким золотым балдахином и шифоновыми шторками, которые делали ее похожей на шатер, слева – большой камин с полыхающими дровами и низкий столик в окружении мягких подушек с целым подносом восточных угощений.

«Что ж, на этой картине не хватает только Шахерезады», – подумала я и сделала шаг.

Глава 15

Треск горящих поленьев заполнял тишину, скрывая мое порывистое и частое дыхание. Теплый ночной ветер трепал прозрачные шторы на окнах, которые отбрасывали на пол танцующие тени. Мои колени дрожали, а голова кружилась от волнения.

Джахан стоял, не шевелясь, и смотрел сквозь распахнутые двери террасы на ночное небо.

Четкая и ровная линия его черных волос на шее притягивала взгляд. Я забыла, что должна опустить голову и склониться в ожидании, когда на меня обратят внимание, и просто тарасилась на его шею, мечтая ощутить губами вкус теплой кожи в этом месте.

Мое колотящееся сердце подпрыгивало внутри с такой силой, что поднимало вверх тяжелую грудь.

Чем дольше мы так стояли – тем больше я нервничала. Напрочь забыв все, чему меня учили, я решила нарушить тишину.

– Джахан! – позвала я его нетерпеливым полусшепотом.

Он резко обернулся и замер на месте, пронзая меня недоуменным, почти шокированным взглядом. Его синие, глубокие, как колодцы, глаза с тонкой нитью серебра по краю радужки гипнотизировали и вызывали приятную дрожь.

– Подойди, хатун, – сказал он тихо, едва уловимо, но так твердо, что послушаться было невозможно.

Я сглотнула образовавшийся в горле комок и подошла к нему практически вплотную. Он был так ошарашен моей наглостью, что даже и не подумал подать мне для поцелуя руку, на среднем пальце которой сверкал огнями массивный золотой перстень с черным алмазом грубой огранки.

– Откуда ты такая? – он вопросительно изогнул свои широкие густые брови, словно нарисованные размашистыми мазками художника, и аккуратно коснулся тремя пальцами моего подбородка.

И вновь я чуть не начала свой печальный рассказ о России-матушке, Краснодаре и неудавшемся отдыхе, но вовремя спохватилась, припомнив сцену из любимого сериала про землячку Хюррем, покоровшую сердце османского султана.

«Что она лепетала ему в той серии? – Я изо всех сил старалась воспроизвести в памяти нужный диалог. – Я из пены морской лишь для тебя вышла?

Что ж, немного перефразируем».

– Я среди дюн песчаных только для тебя появилась и на крыльях бури во дворец прилетела – в сердце твоём хочу поселиться.

Мои щеки залила краска, а на лице падишаха появилась удовлетворенная улыбка. Лесть пришлась ему по вкусу, и я сразу почувствовала себя уверенней.

– Вот как?! – он отпустил мой подбородок и отошел на несколько шагов. – И как же зовут тебя, дочь пустыни?

– Ле... – начала я по привычке, но внутренний голос разума приказал мне заткнуться и не пугать падишаха американизмами. – Александра, – ответила я, улыбнувшись и бросив на него призывный взгляд.

– Нет, – он покачал головой, – Рамаль. Я нарекаю тебя Рамаль – красавица, возжелавшая спрятать мое сердце в своих песках.

– Рамаль, – томным шепотом повторила я, пробуя это имя на вкус, – как красиво...

– Как и ты сама, искусная воровка, – он улыбнулся и протянул мне руку, – иди ко мне.

Я горделиво вскинула вверх подбородок и, приблизившись к нему, привстала на цыпочки и дотянулась почти до уха.

– Но что же я украла, мой повелитель? – тихонько спросила я и слегка прихватила губами его мочку.

– Мой сон, – ответил он и с силой прижал меня к себе.

Жар его тела заставил биться в похотливых конвульсиях каждую мою клеточку. Его теплые, влажные губы скользнули от уха к ключице, задержавшись на мгновение у пульсирующей венки в основании шеи. Из моего рта вырвался тихий стон. Ладони Джахана спустились ниже и крепко сжали мои ягодицы, а его губы накрыли мой жаждущий ласки рот долгим поцелуем.

Я неистово впилась в его губы, а мои обезумевшие руки обхватили его туловище и начали абсолютно бессовестно шарить по могучей широкой спине.

От него пахло силой, сексом и властью – ни с чем не сравнимый аромат настоящего мужчины. Хотелось извиваться под ним и повторять, как заклинание: «Я твоя».

Желание овладело моим разумом без остатка. Я больше не принадлежала себе. Все мое существо подчинилось единственно важному в этот момент основному инстинкту. Мой набухший клитор пульсировал, вызывая почти нестерпимую агонию вожделения, между ног стало влажно, а покрывшаяся мурашками грудь требовала выпустить ее наружу, обнажив порывам ночного ветра и его поцелуям.

Я уже почти улетела в нирвану, но неожиданно Джахан отстранился.

– Ты совсем не боишься, – прошептал он, тяжело дыша.

Его горячие ладони легли на мои плечи и ласковым движением начали спускать легкую ткань платья.

– Разве я должна тебя бояться? – спросила я, томно прикрыв глаза от наслаждения, – я рождена, чтобы любить тебя, чтобы дарить тебе себя – всю, до последней капли!

Его ловкие пальцы развязали драгоценный пояс на моей талии, затем растегнули маленькие пуговички на спине, и мой наряд рухнул вниз, опустившись невесомым облаком у меня под ногами.

Я закрыла глаза, слушая свое сбившееся дыхание и стук сошедшего с ума сердца. По оголенной коже мгновенно пронеслись легкие покалывающие судороги, точно электрический ток по проводам. Мой напряженный слух уловил порывистые движения падишаха, который сбросил на пол тяжелый бархатный халат и рывком через голову снял белую льняную рубаху.

От вида его обнаженного тела у меня перехватило дыхание. Его массивная, покрытая густой растительностью грудь тяжело вздымалась, следуя ритму дыхания. Узкие бедра словно были вылеплены из гипса – такие же стройные и крепкие, как у скульптур в музее античности.

Мой взгляд упал ниже – его детородный орган был возбужден и готов к бою. От одного только вида головки его члена мой клитор сошел с ума, посылая резкие волны желания по раскаленным нейронам во влагалище.

Мышцы внутри сжимались в кольцо и подергивались, как от ударов электрошокером. Еще минута – и я сама бы набросилась на него, словно ополоумевшая шлюха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.